



ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-38319 от 10.12.2009 г. Издается с 2006 г., выходит ежемесячно.

№ 7



Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Редакционный совет:

Дугенец Александр Сергеевич,
Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор

Иванеев Сергей Васильевич,
кандидат юридических наук

Ковалев Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор

Колоколов Никита Александрович,
доктор юридических наук, профессор

Макаров Андрей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Трунцевский Юрий Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Туганов Юрий Николаевич,
Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор

Фоков Анатолий Павлович,
доктор юридических наук, профессор

Хабибуллин Алик Галимзянович,
доктор юридических наук, профессор

Главный редактор:
Кочешев Сергей Петрович,
кандидат юридических наук

Ответственный редактор:
Бабенко Т.Д.

Главный редактор
Издательской группы «Юрист»:
Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор

Заместители главного редактора
Издательской группы «Юрист»:
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:
Швечкова О.А., к.ю.н.

Тел./факс: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).
E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Адрес редакции / издателя:
115035, г. Москва, Космодамианская
наб., д. 26/55, стр. 7.

Подписные индексы:
по каталогу «Роспечать» — 20887;
«Каталог российской прессы» — 24273;
«Объединенный каталог» — 24782.

Также можно подписаться на сайтах:
www.gazety.ru; www.lawinfo.ru

Печ. л. 4,0. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Подписано в печать 20.06.2017.
Выход в свет 27.07.2017.

ISSN 2070-2108. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Кочешев С.П. Некоторые вопросы уголовно-правовой защиты российских военнослужащих, выполняющих служебные задачи за рубежом 3

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Новокионов Д.В. К вопросу латентности нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности 5

Кириченко Ю.Н., Воинов П.Н., Медведев А.В., Калуцкий П.А. Особенности подготовки военнослужащих Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации к реализации тактики силовых действий 11

Курда В.В. Комплексная военно-правовая характеристика участия граждан Российской Федерации в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств 15

ВОЕННАЯ ЮСТИЦИЯ

Багдасарян И.А. Сущность административно-правовых средств противодействия коррупции в сфере перемещений военнослужащих по военной службе 19

Шидаков Ш.Т. Проблема разграничения преступлений и административных правонарушений в области воинской обязанности и военной службы 23

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Холопова Е.Н., Кобелев Д.Н. Содержание антитеррористической деятельности подразделений специального назначения пограничных органов Федеральной службы безопасности 28

Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
для публикации основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук



MILITARY JURIDICAL JOURNAL

№ 7

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) PI № ФС77-38319 10.12.2009. Published since 2006, is published monthly.



Founder: Publishing Group "JURIST"

Editorial Board:

Dugenets Alexander Sergeevich,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor

Ivaneev Sergey Vasil'evich,
candidate of legal sciences

Kovalev Oleg Gennad'evich,
doctor of juridical sciences, professor

Kolokolov Nikita Aleksandrovich,
doctor of juridical sciences, professor

Makarov Andrey Vladimirovich,
doctor of juridical sciences, professor

Truntsevskij Yuriy Vladimirovich,
doctor of juridical sciences, professor

Tuganov Yuriy Nikolaevich,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor

Fokov Anatolij Pavlovich,
doctor of juridical sciences, professor

Khabibulin Alik Galimzyanovich,
doctor of juridical sciences, professor

Editor in Chief:

Kocheshev Sergey Petrovich,
candidate of juridical sciences

Responsible editor:

Babenko T.D.

**Editor in Chief
of Publishing Group "JURIST":**

Grib V.V.,
doctor of juridical sciences, professor

**Deputy Editors in Chief
of Publishing Group "JURIST":**

**Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.**

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A.,
candidate of juridical sciences

Tel./fax: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 (multichannel).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Editorial / Publisher Office Address:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
115035, Moscow

Subscription in Russia:

Rospechat — 20887;

Catalogue of the Russian press — 24273;

Unified Catalogue — 24782.

www.gazety.ru; www.lawinfo.ru

Printer's sheet 4,0.

Circulation 2000 copies.

Printed by "National Polygraphic Group".

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Passed for printing 20.06.2017.

Edition was published 27.07.2017.

ISSN 2070-2108. Free market price.

CONTENTS

EDITORIAL

Kocheshev S.P. Some Issues of Criminal Law Protection
of Russian Military Personnel Performing Service Tasks Abroad 3

RELEVANT ISSUES OF MILITARY SERVICE

Novokshonov D.V. On Latency of Violations of Regimen
of Interrelations between Military Personnel at Absence
of Subordinate Relations between Them 5

Kirichenko Yu.N., Voinov P.N., Medvedev A.V., Kalutsky P.A.
Peculiarities of Training of Military Personnel of the Federal Service
of National Guard Troops of the Russian Federation
for Implementation of Military Action Tactics..... 11

Kurda V.V. Complex Military Law Characteristics of Participation
of Citizens of the Russian Federation in Illegal Armed Units
on Territories of Foreign Countries 15

MILITARY JUSTICE

Bagdasaryan I.A. Essence of Administrative Law Corruption
Countering Means in Military Personnel Promotion Sphere..... 19

Shidakov Sh.T. Issue of Demarcation of Crimes
and Administrative Offence in Military Duty and Military Service 23

STATE SECURITY

Kholopova E.N., Kobelev D.N. Content of Counter-Terrorism
ctivity of Special Force Units of Border Authorities
of the Federal Security Service 28

*The journal is included
in the database
of the Russian Science Citation Index*

**Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
for publication of basic results of candidate and doctor of theses**



НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ВЫПОЛНЯЮЩИХ СЛУЖЕБНЫЕ ЗАДАЧИ ЗА РУБЕЖОМ

*Кочешев Сергей Петрович,
главный редактор Военно-юридического журнала,
кандидат юридических наук,
заслуженный юрист Российской Федерации
Kocheshevsp@yandex.ru*

Статья посвящена рассмотрению проблем уголовно-правовой оценки привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства за посягательства на российских военнослужащих в Сирии.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, статус военнослужащего, иностранные граждане и лица без гражданства.

Some Issues of Criminal Law Protection of Russian Military Personnel Performing Service Tasks Abroad

*Kocheshev Sergey P.,
Editor-in-Chief of the MILITARY JURIDICAL JOURNAL,
Candidate of Legal Sciences,
Honored Lawyer of the Russian Federation*

The article is dedicated to the review of issues of criminal law assessment of holding foreign and stateless citizens liable for attacks on the Russian military personnel in Syria.

Key words: international humanitarian law, status of an officer, foreign and stateless citizens.

Международное гуманитарное право (далее — МГП) представляет собой применяемую в период вооруженных конфликтов систему правовых принципов и норм, содержащихся в международных договорах (соглашениях, конвенциях, протоколах) или являющихся следствием установившихся обычаев ведения боевых действий.

При анализе правовых норм в период применения вооруженных сил государства ключевым положением является то, что МГП рассматривает два типа вооруженных конфликтов, а именно международный вооруженный конфликт и вооруженный конфликт немеждународного характера (внутренний вооруженный конфликт).

Международный вооруженный конфликт с точки зрения МГП представляет собой открытое столкновение между вооруженными силами двух или более государств вне зависимости от их масштаба, интенсивности и территориального охвата. Вооруженный конфликт немеждународного характера (внутренний вооруженный конфликт) — длительное столкновение между вооруженными силами или другими организо-

ванными вооруженными группами на территории одного государства¹.

Независимо от типа вооруженного конфликта нормы МГП вступают в действие с фактическим началом вооруженного конфликта, то есть с началом боевых действий.

Важным является объем применения норм МГП. В период международного вооруженного конфликта МГП применяется в полном объеме². В случае вооруженного конфликта немеждународного характера (внутреннего вооруженного конфликта) МГП применяется в ограниченном объеме, а именно в объеме статьи 3, общей для Женевских конвенций 1949 года, и Дополнительного протокола II, касающегося защиты жертв вооруженного конфликта немеждународного характера (внутреннего вооруженного конфликта). Важной

¹ Определение приведено в соответствии с Наставлением по МГП для Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденным министром обороны Российской Федерации 8 августа 2001 г.

² Основными документами МГП являются Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. См.: СПС «КонсультантПлюс»: [Электронный ресурс].



для определения правоприменимости в вооруженных конфликтах немеждународного характера (внутренних вооруженных конфликтах) является доминанта национального права, так как в соответствии со статьей 3 Дополнительного протокола II «ничто в настоящем Протоколе не должно истолковываться как затрагивающее суверенитет государства или обязанность правительства всеми законными средствами поддерживать или восстанавливать правопорядок в государстве...»³. Участие третьих стран в вооруженном конфликте (внутренний вооруженный конфликт) на стороне государства не изменяет характера конфликта.

В соответствии с положениями статьи 3, общей для Женевских конвенций 1949 года, «в случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера... лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые... перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением»⁴.

Международная преступная организация ИГИЛ не является государством, вследствие чего объективно не может быть стороной международного вооруженного конфликта (как и стороной немеждународного вооруженного конфликта) с распространением на нее норм права вооруженных конфликтов. ИГИЛ представляет собой международную преступную организацию, поэтому члены ее формирований не находятся под защитой международного гуманитарного права, и с ними надлежит обращаться как с международными уголовными преступниками⁵.

Российские Вооруженные силы осуществляют специальные мероприятия на территории Сирийской Арабской Республики в строгом соответствии с нормами международного права и на основании Соглашения между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики (далее — Соглашение). Согласно пункту 3 статьи 6 данного Соглашения личному составу российской авиационной группы, включая ее командира, а также членам их семей предоставляются иммунитеты и привилегии, аналогичные тем, которые предусмотрены в отношении членов дипломатического персонала дипломатического предста-

вительства и членов их семей в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. Пунктом 4 статьи 31 указанной конвенции предусмотрено, что «иммунитет дипломатического агента от юрисдикции государства пребывания не освобождает его от юрисдикции аккредитующего государства»⁶.

В силу пункта 3 статьи 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. В иных случаях наряду с международным договором РФ следует применять и соответствующий внутригосударственный правовой акт, принятый в целях осуществления положений международного договора. Международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов конкретных преступлений, подлежат применению в Российской Федерации в тех случаях, когда статья УК РФ прямо устанавливает необходимость обращения к международному договору РФ (например, статьи 355 и 356 УК РФ)⁷. Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего кодекса (часть 1 статьи 1 УК РФ). Исходя из статьи 54 и пункта «о» статьи 71 Конституции РФ, а также статьи 8 УК РФ уголовной ответственности в Российской Федерации подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ⁸. На основании части 3 статьи 12 УК РФ «иностранцы граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу в случаях, если преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства, а также в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера, содержащим обязательства, признаваемые Российской Федерацией, в

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Кремнев П.П. Применимость правовых норм к вооруженному конфликту в Сирии и нападению на российских летчиков сбитаго СУ-24 // Законодательство. 2016. № 7. С. 79–86.

⁶ См.: Венская конвенция о дипломатических сношениях (Вена, 18 апреля 1961 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Агешкина Н.А., Беляев М.А., Белянинова Ю.В., Бирюкова Т.А., Болдырев С.А., Буранов Г.К., Воробьев Н.И., Галкин В.А., Дудко Д.А., Егоров Ю.В., Захарова Ю.Б., Копьев А.В. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».



сфере отношений, регулируемых настоящим Кодексом, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации».

Если принять во внимание изложенное, положения части 3 статьи 12 УК РФ распространяются на факты посягательств ИГИЛ и других террористических организаций против военнослужащих Российской Федерации, выполняющих служебные задачи на террито-

рии Сирийской Арабской Республики в соответствии с упомянутым Соглашением.

Процессуальные вопросы привлечения виновных в совершении указанных деяний лиц регламентированы Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. В частности, частью 3 статьи 2 УПК РФ, на основании которой в случаях, предусмотренных статьей 12 Уголовного кодекса Российской Федерации, отдельные процессуальные действия за пределами территории Российской Федерации могут проводиться в соответствии с требованиями настоящего кодекса.

Литература

1. Кремнев П.П. Применимость правовых норм к вооруженному конфликту в Сирии и нападению на российских летчиков сбитого СУ-24 / П.П. Кремнев // Законодательство. 2016. № 7. С. 79–86.

К ВОПРОСУ ЛАТЕНТНОСТИ НАРУШЕНИЙ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ПРИ ОТСУТСТВИИ МЕЖДУ НИМИ ОТНОШЕНИЙ ПОДЧИНЕННОСТИ

*Новокионов Дмитрий Вячеславович,
заместитель начальника кафедры гражданского права командного факультета
Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии,
кандидат юридических наук
d_novoksh@mail.ru*

Фактическая преступность в войсках превышает преступность, о которой осведомлены правоохранительные органы, а регистрируемая ими часть преступлений меньше той, которая им известна.

Ключевые слова: преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений, латентность преступлений, противодействие неуставным взаимоотношениям.

On Latency of Violations of Regimen of Interrelations between Military Personnel at Absence of Subordinate Relations between Them

*Novokshonov Dmitry V.,
Deputy Head of the Department of Civil Law
of the (Command) Faculty of the Saint-Petersburg Military Institute of National Guard Troops,
Candidate of Legal Sciences*

Actual criminality in armed forces exceeds the criminality which law enforcement authorities are aware of and the part of crimes recorded by them is less than that which is known to them.

Key words: crimes against chain of command and rules of military relationship, latency of crimes, prevention of military hazing.



«Неуставные отношения» как неформальная система доминантных отношений не являются порождением исключительно воинской среды. Более того, факты существования «неуставных отношений» первичны именно для гражданского общества и присутствуют в детских домах, колледжах и даже микросреде студентов высших учебных заведений. Большая часть криминальных качеств и навыков военнослужащих — нарушителей уставных правил взаимоотношений, являющихся первопричиной их противоправных деяний, закладывается, формируется и приобретает устойчивость еще до призыва на военную службу. Это свидетельствует о настоятельной необходимости организации предупредительных и профилактических мероприятий в целях минимизации рассматриваемых преступлений в первую очередь в среде допризывной молодежи, что позволит в конечном итоге более адресно и избирательно бороться с этим явлением¹.

В настоящее время у практических работников и ученых не вызывает сомнения тот факт, что количество фактически совершенных преступлений больше, чем число зарегистрированных уголовно-противоправных деяний. Эта разница составляет массив латентной преступности, характерной и для преступных деяний, совершаемых в Вооруженных Силах России и других военных организациях государства.

В юридической литературе можно встретить различные классификации латентной преступности². Применительно к нарушению уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ) данный феномен проявляет себя как в общих, так и в специфических чертах, каждая из которых имеет собственные причины, а следовательно, существуют и специальные меры по ее нейтрализации.

Одной из общих черт латентной преступности неуставных отношений является ее ступенчатая структура. Фактическая преступность превышает преступность, о которой осведомлены правоохранительные органы, а регистрируемая ими часть преступлений меньше той, которая им известна. Учетная же правоохранительными органами часть преступлений многократно больше, чем количество вынесенных судами по этим делам обвинительных приговоров. В юридической литературе данный феномен получил название «эффект воронки», и его существование в современном правоприменении бесспорно. Однако указанные факты являются всего

лишь верхушкой айсберга, своеобразной иллюстрацией разбираемой проблемы. Истинная сущность латентности преступности кроется в фактах, имеющих место значительно ранее момента привлечения к уголовной ответственности, предания виновного суду.

Если основываться на данных официальной статистики, то вероятность стать жертвой преступления в Вооруженных силах ниже, чем «на гражданке», примерно в 5–10 раз. Однако опросы бывших военнослужащих, проходящих службу по призыву, в абсолютном большинстве случаев свидетельствуют о наличии в их подразделении неформальной армейской системы, которую обычно называют «дедовщина». Причем, согласно этим же опросам, «дедовщина» проявляла себя не в форме «безобидных» услуг старослужащим, а выражалась в серьезных уголовно наказуемых посягательствах на личность и права потерпевших. По данным С.М. Иншакова, «лишь 25% опрошенных военнослужащих по призыву ответили, что в их воинской части над новобранцами не издеваются. По данным опроса офицеров ротного звена, эта цифра гораздо ниже: лишь 2% из них отметили, что их «воинская часть свободна от неуставщины»³. По нашим же данным, эти показатели еще ниже. Практически ни один из опрошенных нами офицеров, имеющих или имевших ранее в своем подчинении личный состав, и ни один из опрошенных «вчерашних» военнослужащих по призыву не ответили, что им не известны факты неуставных отношений в их или соседних с ними подразделениях, имевшие место в период их военной службы. Эта информация подтверждается исследованиями и других криминологов, пришедших к выводу, что латентность неуставных отношений в нашей армии составляет 1:300 (на одно зарегистрированное преступление приходится 300 незарегистрированных)⁴.

Рассматривая данное негативное явление, следует отметить, что нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, как правило, регистрируется лишь тогда, когда органы военного командования (командиры взводов, рот, батальонов и частей) не имеют возможности их скрыть в связи с последствиями этих деяний. Указанное обстоятельство имеет место в следующих ситуациях:

1. Когда в результате избиения потерпевшему причиняются травмы, которые трудно выдать за бытовые или производственные. К примеру, обширный кровоподтек вряд ли можно объяснить тем, что солдат спот-

¹ Новокшонов Д.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 130.

² Лунеев В.В. Преступность XX века. М.: Рос. акад. наук, 2009. С. 87.

³ Иншаков С.М. Системное воздействие на преступность в Вооруженных Силах России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 127.

⁴ Эминов В.Е., Мацкевич И.М. Преступность военнослужащих. М., 1999. С. 127.



кнулся и ударился о дужку своей кровати (хотя нередко такие объяснения «принимаются» командирами как правдивые).

2. Когда самовольно оставивший часть военнослужащий в ходе следствия по уголовному делу, возбужденному в его отношении, дает показания, в которых заявляет о неуставных отношениях как основной причине своего «бегства» из части. Должностные лица военной прокуратуры проверяют эти показания, командование части при этом вынуждено сотрудничать с правоохранительными органами и (в случае подтверждения показаний) признать факт неуставных отношений хотя бы в отношении конкретного лица.

3. Когда в результате неуставных отношений потерпевшему причиняется тяжкий вред здоровью (требующий стационарного лечения, влекущего за собой факт сообщения об этом со стороны медицинских учреждений в правоохранительные органы) или наступает его смерть.

4. В случаях наступления событий, воспринимаемых военным командованием как чрезвычайное происшествие. К примеру, когда доведенный до отчаяния неуставными отношениями военнослужащий пытается покончить жизнь самоубийством или расстреливает своих обидчиков, находясь в карауле.

5. В случаях, когда факты неуставных отношений становятся известны широкой общественности, правозащитным организациям или средствам массовой информации.

6. Когда потерпевший, его семья, другие родственники или знакомые напрямую обращаются с жалобами в органы военной прокуратуры или военные следственные органы.

Данное положение подтверждается тем обстоятельством, что количество зарегистрированных в официальной статистике преступлений, квалифицируемых по ч. 1 ст. 335 УК РФ (нарушение уставных правил взаимоотношений при отсутствииотягчающих признаков, связанных, как правило, с вредом здоровью потерпевшего), значительно меньше тех же деяний, имеющих серьезные последствия (ч. 2 и ч. 3 ст. 335 УК РФ).

Одна из причин данного «события» заключается в следующем. Так называемое «бумажное сокращение» учтенной преступности (один из способов латентизации, выражающийся в манипулировании статистическими показателями и создании «благоприятной» картины преступности и раскрываемости преступлений) не может быть надежным и длительным. Для этого пришлось бы ежемесячно и ежегодно увеличивать долю сокрытия в условиях объективно растущей пре-

ступности, что практически невозможно⁵. Однако во временных промежутках между нарушением «критической массы» латентности большинству органов военного командования и правоохранительным органам это успешно удается⁶.

Также необходимо отметить, что в сокрытии преступлений, посягающих на установленный порядок взаимоотношений между военнослужащими, могут принимать участие не только органы военного командования и правоохранительные органы. Не следует забывать и о существенной доле латентности неуставных отношений, существующей по причине того, что потерпевшие и их сослуживцы (потенциальные потерпевшие) сами не обращаются к командованию или органам военной юстиции за помощью. Не последнюю роль здесь играют психологические особенности молодых воинов. У большинства из них еще «на гражданке» формируется, а в армейской среде закрепляется отрицательное отношение к клейму «стукача». К тому же мощнейшим мотивом такого поведения потерпевшего является страх перед возможной расправой, последующей со стороны «старослужащих», и социальным бойкотом со стороны военнослужащих одного с ним призыва. По выборочным данным, подобная мотивация присутствует примерно у 87% пострадавших от неуставных отношений и не доложивших об этом командованию. Мы придерживаемся точки зрения Д.В. Ривмана, в соответствии с которой виктимологическая профилактика представляет собой целенаправленное специализированное воздействие на лиц с неправомерным или аморальным поведением, а также на факторы, обуславливающие виктимность, связанную с подобным поведением⁷.

Эти же мотивы часто выступают причиной парадоксальной ситуации, ставшей, к сожалению, частым явлением в правоприменительной практике органов военной юстиции. Речь идет об отсутствии у потерпевшего заинтересованности в том, чтобы виновные были наказаны. При этом он пользуется всеми доступными ему способами, для того чтобы освободить своего обидчика от уголовной ответственности. Следовательно приходится в этом случае буквально «вытягивать» из

⁵ Шеншин В.М., Петухов Н.А. Об особенностях привлечения военнослужащих к ограниченной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу воинской части в сфере охраны окружающей среды: проблемные вопросы и пути их решения // Военно-юридический журнал. 2016. № 12. С. 25–29.

⁶ Долгова А.И. Криминология: учебник. М.: НОРМА, 2010. С. 100.

⁷ Ривман Д.В. Криминальная виктимология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2002. С. 34.



потерпевшего информацию. Очевидно, что если в такой ситуации будет иметь место «круговая порука» сослуживцев потерпевшего и дистанцирование командования от расследования, необходимые доказательства по уголовному делу, скорее всего, собраны не будут, что повлечет его прекращение, а следовательно, увеличение латентности рассматриваемой категории преступлений еще на одну единицу.

С учетом вышеизложенного латентность нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, а также причины и обусловленные причинами меры по нейтрализации латентности рассматриваемых преступлений могут быть структурированы следующим образом.

1. Преступления, известные только лицам, их совершившим. Этот вид латентности применительно к неуставным отношениям встречается крайне редко. Он имеет место в том случае, когда при отсутствии свидетелей неуставные посяательства перерастают в убийство потерпевшего с последующим сокрытием трупа и устранением других следов преступления. В этой ситуации, как правило, потерпевший будет объявлен самовольно оставившим часть, и к его поиску будут предприняты определенные меры, которые результата не дадут, так как искать будут живого человека. Таким образом, в официальном порядке будет зарегистрировано преступление, которое на самом деле не совершалось (самовольное оставление части или места службы), а реально совершенное (нарушение уставных правил взаимоотношений и убийство) не получит необходимой регистрации.

Причинами такой латентизации являются прежде всего факторы, связанные с недостаточной подготовленностью (кадровой, материально-технической, профессиональной и организационной) должностных лиц военных следственных отделов к расследованию «запутанных» преступлений, а также с возрастающим уровнем профессионализма и организованности преступников, продумывающих преступление до мельчайших подробностей.

Среди мер, направленных на нейтрализацию указанных факторов, можно перечислить следующие:

а) достижение оптимальной нагрузки на должностных лиц следствия, при которой они могли бы качественно и всесторонне расследовать уголовные дела различной степени сложности;

б) эффективная работа военной полиции, одной из функций которой является противодействие преступности в Вооруженных силах.

в) повышение профессиональной подготовки прокурорских работников, улучшение организационно-

технических условий деятельности военной прокуратуры и органов дознания;

г) закрепление в военных следственных органах квалифицированных кадров за счет повышения уровня стимулирования их профессиональной деятельности;

д) повышение уровня правового воспитания в войсках.

Вопрос всестороннего повышения качества работы правоохранительных органов достаточно злободневен. Пожалуй, в истории не было такого периода, когда бы от правоохранительных органов не требовали бы повысить, углубить, усилить и т.д. что-либо в своей деятельности. Однако без осознания необходимости реализации вышеуказанных мер невозможно не только снизить уровень латентизации, но и эффективно бороться с преступностью в Вооруженных Силах России.

2. Преступления, информация о совершении которых известна только преступникам и потерпевшим. Эта группа — одна из наиболее распространенных в структуре латентной преступности, связанной с неуставными взаимоотношениями.

Детерминировать такую ситуацию могут различные причины. В первую очередь это неправильная оценка потерпевшим события преступления. Проявляется это в том, что потерпевший может не предполагать, что его права нарушены (иногда воины с низким уровнем правового воспитания считают, что различные «мягкие» проявления «дедовщины» — всего лишь армейская традиция и ничего преступного в себе не содержат) или потерпевший лишь частично осознает, что его права нарушены, но ведет себя пассивно из-за нежелания «связываться» с малоприятной процедурой сообщения о факте правонарушения. Специалисты оценивают уровень «незаявления» потерпевших о фактах неуставных отношений в 15% от общего числа зарегистрированных преступлений. Однако эта цифра вызывает сомнение при детальном анализе проблемы виктимизации военнослужащих по призыву и мотивационной сферы потерпевших⁸.

Основными мотивами такого поведения потерпевших являются следующие: неверие в способность правоохранительных органов защитить их от преследования виновных, наличие возможности защитить свои интересы в альтернативных уголовному правосудию формах, оценка события как незначительного, различные мотивы личностно-ситуативного характера (опасение мести преступников, недовольства командования, нежелание огласки события), боязнь клеима «стукача» и социального бойкота со стороны сослуживцев.

Мерами по нейтрализации источников латентности рассматриваемого вида являются:

⁸ Ривман Д.В. Указ. соч. С. 264.



а) повышение уровня правового воспитания военнослужащих по призыву, ликвидация ситуации, при которой военнослужащий не может отличить проступок от преступления;

б) формирование у воинов активной жизненной позиции противодействия преступным проявлениям в воинском коллективе;

в) «развенчание» ореола «правильности» неформальных армейских традиций, прививание военнослужащим навыков уставных форм разрешения своих проблем;

г) улучшение качества работы командиров и воспитателей воинских подразделений с подчиненными, исключение ситуаций, при которых солдат остался бы без помощи офицеров, один на один со своей проблемой;

д) создание и обеспечение действия так называемых «телефонов доверия», по которым каждый из потерпевших мог бы сообщить о факте правонарушения, минуя формальные воинские инстанции;

ж) всемерное совершенствование программ защиты свидетелей и потерпевших от постпреступного воздействия со стороны виновных и их товарищей;

з) проведение в частях административных расследований по всем фактам травматизма;

и) ежедневное проведение в подразделениях медицинских (телесных) осмотров военнослужащих по призыву, с обязательной отметкой о результатах осмотра в установленных документах;

к) обеспечение конфиденциальности лицу, сообщившему о преступлении.

3. Преступления, известные потерпевшим, преступникам и их сослуживцам. Это наиболее распространенная категория латентных неуставных отношений. В значительной степени этот вид латентности обусловлен распространенностью в войсках посткриминального воздействия, т.е. воздействия преступников на военнослужащих, намеревающихся сообщить о преступлении командованию или в военную прокуратуру. Принадлежность военнослужащих, совершивших преступление, их жертв и очевидцев преступлений к одному воинскому подразделению значительно облегчает применение самых разнообразных форм воздействия на потерпевших и свидетелей.

Основные причины такой латентизации совпадают с причинами предыдущего вида. Добавляются лишь некоторые особенности, к которым можно отнести: бездействие лиц сержантского и рядового составов, входящих в суточный наряд части (при их попустительстве совершаются многие преступления, связанные с насильственными действиями), пассивность сослуживцев, полагающих, что если не вмешиваться, то подобные ситуации обойдут их стороной, поведение

свидетелей, связанное с ложным пониманием армейской дружбы. Меры по нейтрализации причин, порождающих латентность этого вида, сходны с предыдущими, с учетом указанных особенностей.

4. Еще одним элементом рассматриваемой структуры являются преступления, известные военному командованию, но скрытые от учета, которые можно, в свою очередь, разделить на:

а) преступления, не зарегистрированные нигде;

б) преступления, частичная информация о которых зарегистрирована в служебных карточках, записках об аресте, книгах регистрации поступивших на гауптвахту военнослужащих, материалах служебных расследований, регистрационных журналах медицинских учреждений.

Как правило, мотивом таких действий является стремление командира путем «лакировки» положения дел создать видимость благополучия и высокого уровня воинской дисциплины во вверенной ему части или подразделении.

Данная категория латентности порождается причинами совсем другого характера по сравнению с рассмотренными выше видами латентности. В первую очередь это исторические и идеологические причины, связанные с традиционным приспособлением уровня регистрируемых преступлений к ложно понятым интересам военной службы. Порочная практика отождествления фактов преступлений с низким уровнем воинской дисциплины в подразделении, взыскания, налагаемые на командиров, «допустивших» преступления, оценка деятельности командиров не по их реальной работе, а по количеству правонарушений и т.д. привели к ситуации, когда командиру сообщать о преступлении в прокуратуру стало крайне невыгодно, и, как следствие этого, к массовому сокрытию командным звеном фактов преступлений. Причем в первую очередь по вполне понятным причинам скрываются именно неуставные отношения.

Помимо историко-идеологических причин следует отметить организационные и правовые причины. Первые связаны с недостатками системы управления, контроля и оценки деятельности командира, с отсутствием эффективного механизма стимулирования его работы по предупреждению, выявлению и пресечению неуставных отношений в подразделении. В настоящее время складывается парадоксальная ситуация: чем больше командир выявит преступлений, тем хуже будет оценена его деятельность в целом⁹.

⁹ Шеншин В.М. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования // Военно-юридический журнал. 2016. № 1. С. 7–12.



Причины же правового характера имеют в своей основе недостатки правовой регламентации надлежащей или, наоборот, ненадлежащей деятельности командира в области выявления и пресечения преступлений. Действующее военное и уголовное законодательство оставляют такую деятельность практически без внимания, а если и регламентируют ее, то имеют общий характер, не позволяющий разрешить проблему правовыми средствами.

Основываясь на вышеизложенных фактах, среди мер по нейтрализации латентности данного вида необходимо выделить следующие:

а) систематическое проведение проверок в целях выявления скрытых от учета преступлений;

б) создание в войсках и эффективное обеспечение системы надлежащего учета обращений (сообщений) военнослужащих о фактах преступлений, которая позволит отслеживать уровень латентности преступности;

в) система оценки состояния правопорядка в воинских частях должна быть пересмотрена таким образом, чтобы она не могла провоцировать командиров к сокрытию правонарушений. Необходимо разработать единую систему объективной оценки состояния воинской дисциплины и правопорядка в войсках, поощряющую активную борьбу командования с преступлениями подчиненных, исключая порочную практику привлечения должностных лиц к дисциплинарной от-

ветственности за преступления подчиненных по формальным основаниям;

г) разработка и внедрение в войска системы всемерного поощрения командиров, активно выявляющих преступления и способствующих их раскрытию;

д) ужесточение дисциплинарной и уголовной ответственности должностных лиц, участвующих в сокрытии преступлений или не принимающих необходимых мер пресечения неуставных отношений в тех случаях, когда они осведомлены о таких фактах;

е) совершенствование правовых основ в борьбе с латентной преступностью в войсках. Для этого необходимо поставить и рассмотреть вопрос о целесообразности введения в Уголовный кодекс специальной нормы об уголовной ответственности воинских должностных лиц за сокрытие преступлений.

Изложенное позволяет утверждать, что латентность нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих имеет специфические особенности (о латентных преступлениях в войсках известно большому количеству лиц, в значительной мере она находит отражение в служебных документах и т.д.) и причины, обусловленные ее структурой. Опасность латентной преступности в армейских условиях крайне высока, так как при явно неполных исходных данных и дефиците объективных показателей борьба с преступностью в Вооруженных силах малоэффективна.

Литература

1. Долгова А.И. Криминология: учебник / А.И. Долгова. М. : НОРМА, 2010. 1008 с.
2. Иншаков С.М. Системное воздействие на преступность в Вооруженных Силах России: дис. ... д-ра юрид. наук / С.М. Иншаков. М., 1997. 467 с.
3. Лунеев В.В. Преступность XX века / В.В. Лунеев. М. : Рос. акад. наук, 2009. 800 с.
4. Новокшенов Д.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений: дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Новокшенов. СПб., 2007. 211 с.
5. Петухов Н.А., Шеншин В.М. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования / Н.А. Петухов, В.М. Шеншин // Военно-юридический журнал. 2016. № 1. С. 7–12.
6. Ривман Д.В. Криминальная виктимология: учебное пособие / Д.В. Ривман. СПб. : Питер, 2002. 304 с.
7. Шеншин В.М., Петухов Н.А. Об особенностях привлечения военнослужащих к ограниченной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу воинской части в сфере охраны окружающей среды: проблемные вопросы и пути их решения / В.М. Шеншин, Н.А. Петухов // Военно-юридический журнал. 2016. № 12. С. 25–29.
8. Эминов В.Е., Мацкевич И.М. Преступность военнослужащих / В.Е. Эминов, И.М. Мацкевич. М., 1999. 264 с.



ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИКИ СИЛОВЫХ ДЕЙСТВИЙ

*Кириченко Юлия Николаевна,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Белгородского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент
julija.kirichenko@rambler.ru*

*Воинов Павел Николаевич,
заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки
Белгородского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина,
кандидат социологических наук
vojnovp283@gmail.com*

*Медведев Алексей Владимирович,
доцент кафедры огневой подготовки
Белгородского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина,
кандидат психологических наук
belui-op@mail.ru*

*Калуцкий Павел Анатольевич,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Белгородского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина
palado@rambler.ru*

В статье выявляются основополагающие элементы реализации тактики силовых действий военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации. На этой основе определяются ключевые направления совершенствования специальной подготовки сотрудников данного ведомства к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Ключевые слова: Росгвардия, экстремальные ситуации, оперативно-служебная деятельность, силовые действия, реализация тактики, подавление, маневрирование, маскировка.

Peculiarities of Training of Military Personnel of the Federal Service of National Guard Troops of the Russian Federation for Implementation of Military Action Tactics

*Kirichenko Yulia N.,
Lecturer of the Department of Tactical and Special Training
of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

*Voinov Pavel N.,
Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training
of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Sociological Sciences*

*Medvedev Aleksey V.,
Assistant Professor of the Department of Weapons Practice
of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Psychological Sciences*

*Kalutsky Pavel A.,
Lecturer of the Department of Weapons Practice
of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,*



In article fundamental elements of realization of tactics of power actions of the military personnel of troops of national guard of the Russian Federation come to light. On this basis the key directions of improvement of special training of staff of this department for actions in the conditions connected with use of physical force, special means and firearms are defined.

Key words: *Russian guard, emergency situation, operatively-office activity, use of force, implementation of tactics, suppression and maneuver, disguise.*

На военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации возлагается выполнение ряда специфических задач, связанных с обеспечением государственной и общественной безопасности, защитой прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим сотрудникам приходится часто действовать в экстремальных условиях, применяя физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие¹. Специальная подготовка к этим действиям проводится непрерывно с использованием метода моделирования ситуаций оперативно-служебной деятельности². Тактическая подготовка сотрудников Росгвардии заключается в умении правильно подбирать приемы и методы, применяемые для достижения поставленных задач³. Практика показывает, что не всегда удается успешно осуществить подобные действия. Об этом свидетельствуют случаи ранения и гибели сотрудников при проведении специальных мероприятий по силовому противодействию преступности.

Силовые действия будут иметь успех в случае правильного построения процесса реализации тактических планов. Процесс формирования таких навыков сотрудников Росгвардии применительно к современным условиям требует определенной оптимизации. Следовательно, возрастает актуальность совершенствования подготовки, связанной с реализацией тактики силовых действий.

К настоящему времени сложилось значительное количество разнообразных инновационных образовательных технологий. В основе всех технологий лежит идея создания адаптивных условий для каждого обучаемого, т.е. его адаптация к особенностям содер-

жания, методов, форм образовательного процесса и максимальная ориентация на самостоятельное решение практических задач⁴.

Для того чтобы совершенствовать процесс реализации тактики силовых действий, необходимо определиться с ее разновидностями и особенностями.

Анализ научной литературы и учет практического опыта военнослужащих Росгвардии позволяют выделить три основных вида реализации тактики силовых действий: подавление, маневрирование и маскировка.

Подавление заключается в использовании явного превосходства над преступником для достижения поставленной цели. Для этого может использоваться одна или несколько сторон подготовленности сотрудника: техническая, тактическая, физическая и морально-волевая.

Техническое подавление применяется в тех случаях, когда сотрудник обладает явным превосходством в уровне подготовленности приемов и действий. Превосходство появляется в результате многократной отработки различных вариантов технических действий и доведения их до уровня устойчивых навыков. Причем совершенствоваться должна не только атакующая техника, но и оборонительная. Правильные защитные действия способствуют развитию контратаки, что приводит к снижению технических возможностей противника, появлению сомнений и нерешительности.

К техническому подавлению также можно отнести превосходство в вооружении и специальных средствах, используемых в нейтрализации противника.

Тактическое подавление целесообразно применять при наличии уверенности в том, что произойдет успешная реализация правильно принятого решения. Это возможно реализовать в тех случаях, когда сотрудники обладают большим спектром тактических навыков, полученных в результате практической подготовки. Как правило, такая подготовка осуществляется непрерывно в процессе прохождения службы военнослужащими Росгвардии.

⁴ Дмитриков А.М., Хрисанов В.А., Михайликов В.А. Совершенствование педагогических технологий обучения курсантов и слушателей в условиях инновационного развития БелЮИ МВД России // Вестник Белгородского юридического института МВД России. Белгород, 2012. № 2. С. 7.

¹ Егоров Д.Е., Радоуцкий В.Ю., Горбатенко А.В. Современные подходы в подготовке специалистов системы МВД России / Д.Е. Егоров, В.Ю. Радоуцкий, А.В. Горбатенко // Вестник Белгородского юридического института МВД России. Белгород, 2014. № 1. С. 32–34.

² Требенюк А.А. Инновационные пути специальной боевой подготовки курсантов вузов МВД России / А.А. Требенюк // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 8. С. 37–42.

³ Брагин В.В., Егоров Д.Е., Цветов В.И. Некоторые особенности применения сотрудниками полиции боевых приемов борьбы / В.В. Брагин, Д.Е. Егоров, В.И. Цветов // Вестник Белгородского юридического института МВД России. Белгород, 2016. № 2. С. 41–43.



Физическое подавление применяется при появлении возможности создания необходимого превосходства в уровне физических качеств. Превосходство может касаться как всех, так и отдельных физических качеств. Для совершенствования физических качеств и доведения их до высокого уровня используется общепринятая в педагогической науке и практике методика подготовки⁵. Противоречия внутренние или внешние играют развивающую роль и способствуют развитию системы. Но в то же время борьба противоречий приводит к образованию нечего нового, а это способствует перерождению системы⁶.

Морально-волевое подавление целесообразно применять при наличии более развитых соответствующих качеств по сравнению с противником. Хорошо развитые морально-волевые качества способствуют подавлению преступника с помощью выдержки, смелости, настойчивости, инициативности и решительности⁷. Также подавлению противника будет содействовать способность в большей степени преодолеть чувства усталости, боли, голода, жажды и т.п.

Маневрирование представляет собой вид реализации силовых действий, основанный на распределении времени для использования сил и средств и позволяющий наращивать подготовленность военнослужащих к успешному воплощению тактического замысла. Оно предусматривает дифференцированное сосредоточение усилий в зависимости от изменения оперативной обстановки и расставляет акценты применения сил и средств в определенных временных промежутках. Переход из одних положений в другие по отношению к преступнику создает благоприятные условия для выполнения атакующих действий⁸. Кроме этого, маневрирование предполагает наличие возможности максимально быстрого и полного восстановления сил и средств, в паузах между активными силовыми действиями.

Еще одним элементом применения тактики силовых действий сотрудников войск национальной гвардии является маскировка. Она заключается во введении

противника в заблуждение относительно своих истинных намерений и тактических планов⁹. С целью принятия противником выгодного для сотрудников тактического решения с помощью разнообразных способов маскировки ему навязывается необходимый алгоритм действий. Поэтому сотрудники полиции должны быть готовы и к негативному развитию событий, отрабатывая эти моменты на практических занятиях¹⁰.

Исходя из опыта работы специальных подразделений правоохранительных органов можно выделить несколько основных видов маскировки тактики силовых действий.

Маскировка технических действий предполагает введение преступников в заблуждение относительно проведения того или иного приема во время осуществления силовых действий. Сотрудники Росгвардии регулярно совершенствуют технические действия, связанные с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в различных ситуациях оперативно-служебной деятельности. Однако применять определенный технический прием целесообразно только тогда, когда наступает ожидаемый момент¹¹.

Маскировка тактических действий осуществляется разными способами. Преступнику может быть навязана ложная информация о предполагаемых действиях, в результате чего он оказывается неготовым к защите. Широко применяются специальные действия, вынуждающие противника принимать нужные тактические решения. Иногда применяется способ постоянной смены алгоритмов действий, вынуждающий преступников менять тактический замысел. Результатом этого будет составление неправильного тактического плана.

Маскировка физической подготовленности подразумевает создание ложного представления об уровне физических качеств сотрудников в целях принятия противником невыгодного для себя тактического решения. Сознательно приуменьшив собственные возможности, сотрудники вынуждают противника готовиться к меньшему привлечению сил для осуществления своих замыслов, что будет тактически неверно.

⁵ Золотенко В.А. Совершенствование профессионально-прикладной физической подготовки курсантов в образовательных учреждениях МВД России: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Василий Анатольевич Золотенко. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2011.

⁶ Мигущенко О.Н. Правосознание: сущность явления. Явление сущности // Право и образование. 2002. № 3. С. 95–102.

⁷ Тарасенко А.А., Егоров, Д.Е. Использование боевых приемов борьбы для воспитания психологической устойчивости / А.А. Тарасенко, Д.Е. Егоров // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2016. № 1–4. С. 70–73.

⁸ Померанцев Ю.А. Личная безопасность сотрудников ОВД: сущность проблемы и пути ее решения / Ю.А. Померанцев // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 4. С. 131–133.

⁹ Кузнецов С.В., Пономарев Н.А. Тактика действий сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в типовых ситуациях несения службы: учебно-практическое пособие / С.В. Кузнецов, Н.А. Пономарев. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. 96 с.

¹⁰ Мигущенко О.Н. Основной вопрос юридического образования в современной России // Юридическое образование и наука. 2016. № 4. С. 16–20.

¹¹ Тарасов В.А., Тимошенко Л.И. О необходимости проведения совместных практических занятий по тактико-специальной, огневой и специальной физической подготовке / В.А. Тарасов, Л.И. Тимошенко // Сборник материалов VI межвузовской научно-практической конференции. Ставрополь, 2013. С. 238–240.



Таблица 1

Распределение ответов военнослужащих Росгвардии на вопрос «Какой элемент реализации тактики силовых действий, на Ваш взгляд, наиболее эффективен в перечисленных экстремальных условиях?» (в проц. (%) к числу опрошенных)

| № п/п | Наиболее значимые элементы реализации тактики силовых действий | Условия, связанные с применением физической силы | Условия, связанные с применением специальных средств | Условия, связанные с применением огнестрельного оружия |
|-------|--|--|--|--|
| 1. | Подавление | 90% | 67% | 47% |
| 2. | Маневрирование | 2% | 30% | 16% |
| 3. | Маскировка | 8% | 3% | 37% |

Определенную роль в тактике осуществления силовых действий играет маскировка морально-волевой подготовленности. Она создает ложное представление о психическом состоянии, которое выражается в предположительно низком уровне таких качеств, как смелость, решительность, сосредоточенность, инициативность и т.п. Это достигается путем выполнения определенных действий, создающих у противника такое впечатление.

В 2017 году среди сотрудников управления Росгвардии по Белгородской области был проведен опрос с целью выявления наиболее значимых элементов реализации тактики силовых действий. В опросе участвовало 106 военнослужащих, имеющих опыт задержания особо опасных преступников и опыт боевых действий на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации. Им предложили выбрать один наиболее эффективный элемент реализации тактики силовых действий применительно к различным условиям оперативно-служебной деятельности. Результаты опроса представлены в таблице.

В условиях, связанных с применением физической силы, большинство опрошенных (90%) считают подавление преступников наиболее эффективным тактическим действием. Причем в данном случае преобладает физическое и морально-волевое подавление. Незначительная часть сотрудников (8%) ставит на первый план маскировку тактических действий. Лишь 2% участвующих в опросе указало на маневрирование как на самый важный элемент реализации тактики силовых действий. Следует отметить, что маневрирование рассматривалось ими в контексте деятельности по пресечению групповых нарушений общественного порядка¹².

¹² Калинин А.С., Козлов О.В., Иванюк А.М. Тактические способы действий служебных нарядов ОВД при проведе-

В условиях, связанных с применением специальных средств, количество мнений военнослужащих Росгвардии по поводу важности маневрирования увеличилось до 30%, соответственно снизившись в отношении тактического и морально-волевого подавления до 67%. Это объясняется спецификой применения спецсредств, нередко требующей корректировки направлений их применения в определенных временных интервалах.

Заметное расхождение мнений было получено по поводу действий, связанных с применением огнестрельного оружия. 47% сотрудников отдали предпочтение техническому и тактическому подавлению противника, 16% — маневрированию, а 37% — маскировке. По большому счету, имеется в виду маскировка технических и тактических действий при проведении специальных операций различного рода. Это связано с требованиями по обеспечению личной безопасности, в соответствии с которыми далеко не всегда целесообразно осуществлять подавление преступников с применением огнестрельного оружия. В данном случае маскировка, как элемент реализации силовых действий, может стать оптимальным тактическим решением.

Если учитывать полученные данные, можно улучшить процесс подготовки военнослужащих Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации к реализации тактики силовых действий в различных условиях.

нии массовых общественно-политических, зрелищных и спортивных мероприятий: учебно-методическое пособие / А.С. Калинин, О.В. Козлов, А.М. Иванюк. Калининград, 2012. С. 8–9.

Литература

- Брагин В.В., Егоров Д.Е., Цветов В.И. Некоторые особенности применения сотрудниками полиции боевых приемов борьбы / В.В. Брагин, Д.Е. Егоров, В.И. Цветов // Вестник Белгородского юридического института МВД России. Белгород, 2016. № 2. С. 41–43.
- Дмитраков А.М., Хрисанов В.А., Михайликов В.Л. Совершенствование педагогических технологий обучения курсантов и слушателей в условиях инновационного развития БелЮИ МВД России // Вестник Белгородского юридического института МВД России. Белгород, 2012. № 2. С. 5–9.



3. Егоров Д.Е., Радоуцкий В.Ю., Горбатенко А.В. Современные подходы в подготовке специалистов системы МВД России / Д.Е. Егоров, В.Ю. Радоуцкий, А.В. Горбатенко // Вестник Белгородского юридического института МВД России. Белгород, 2014. № 1. С. 32–34.
4. Золотенко В.А. Совершенствование профессионально-прикладной физической подготовки курсантов в образовательных учреждениях МВД России: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Василий Анатольевич Золотенко. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2011. 199 с.
5. Калинин А.С., Козлов О.В., Иванюк А.М. Тактические способы действий служебных нарядов ОВД при проведении массовых общественно-политических, зрелищных и спортивных мероприятий: учебно-методическое пособие / А.С. Калинин, О.В. Козлов, А.М. Иванюк. Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2012. 88 с.
6. Кузнецов С.В., Пономарев Н.Л. Тактика действий сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в типовых ситуациях несения службы: учебно-практическое пособие / С.В. Кузнецов, Н.Л. Пономарев. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. 96 с.
7. Мигущенко О.Н. Основной вопрос юридического образования в современной России // Юридическое образование и наука. 2016. № 4. С. 16–20.
8. Мигущенко О.Н. Правосознание: сущность явления. Явление сущности // Право и образование. 2002. № 3. С. 95–102.
9. Померанцев Ю.Л. Личная безопасность сотрудников ОВД: сущность проблемы и пути ее решения / Ю.Л. Померанцев // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 4. С. 131–133.
10. Тарасенко А.А., Егоров Д.Е. Использование боевых приемов борьбы для воспитания психологической устойчивости / А.А. Тарасенко, Д.Е. Егоров // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2016. № 1–4. С. 70–73.
11. Тарасов В.А., Тимошенко Л.И. О необходимости проведения совместных практических занятий по тактико-специальной, огневой и специальной физической подготовке / В.А. Тарасов, Л.И. Тимошенко // Сборник материалов VI межвузовской научно-практической конференции. Ставрополь: Графа, 2013. С. 238–240.
12. Требенюк А.А. Инновационные пути специальной боевой подготовки курсантов вузов МВД России / А.А. Требенюк // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 8. С. 37–42.

КОМПЛЕКСНАЯ ВОЕННО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАСТИЯ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В НЕЗАКОННЫХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

*Курда Владимир Викторович,
специалист ООО «Калининградский центр судебной экспертизы и оценки»
lnameless1@rambler.ru*

В статье предложено содержание комплексной военно-правовой характеристики участия граждан Российской Федерации в незаконных вооруженных формированиях, включающей следующие виды характеристик: социальная, уголовно-правовая, криминологическая, криминалистическая, оперативно-разыскная. Обоснована целесообразность включения отдельных ее элементов в состав каждого из видов ее характеристик.

***Ключевые слова:** военное право, граждане, иностранные государства, национальная безопасность, незаконные вооруженные формирования, угрозы, характеристика.*

Complex Military Law Characteristics of Participation of Citizens of the Russian Federation in Illegal Armed Units on Territories of Foreign Countries

*Kurda Vladimir V.,
Specialist of Kaliningrad Centre of Forensic Examination and Evaluation, LLC*

In the article the content of complex military and legal characteristics of the participation of Russian citizens in illegal armed groups, including the following types of characteristics: social, legal, criminological, fo-



rensic, investigative. The expediency of incorporating some of its elements in each of the four types of its characteristics.

Key words: *military law, citizens of foreign states, national security, illegal armed groups, threats, feature.*

В современных условиях особую остроту приобретают угрозы национальной безопасности России, связанные с террористической деятельностью незаконных вооруженных формирований как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами (исходящими в том числе от иностранных государств в виде распространения терроризма, имеющего природу радикального ислама и джихада; участвовавших в попытках вербовки граждан Российской Федерации для участия в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств; попыток насильственного изменения сложившихся основ государственного строя и принудительного насаждения крайних религиозных убеждений). В связи с этим одной из важнейших задач органов Федеральной службы безопасности в современный период является выявление, предупреждение и пресечение деятельности незаконных вооруженных формирований на стадиях планирования и подготовки ими преступлений.

Следует отметить недостаточную разработанность и эффективность мер по противодействию вовлечению и участию граждан Российской Федерации в деятельность незаконных вооруженных формирований на территории иностранных государств, о чем могут свидетельствовать отдельные попытки наших граждан пересечения турецко-сирийской границы с целью последующего участия в деятельности запрещенной террористической группировки ИГИЛ¹. В настоящее время деятельность экстремистски настроенных лиц и их объединений, направленная на нарушение законодательства Российской Федерации, приобрела поистине широкие масштабы и носит откровенно дерзкий характер².

В последние десятилетия в юридической науке сложилась, закрепились и хорошо себя зарекомендовала практика раскрытия содержания исследуемых преступлений методом построения различного вида характеристик (криминологической, криминалистической, уголовно-правовой, оперативно-разыскной и пр.) и последующего детального анализа их элементов в зависимости от цели исследования.

Закономерности расследования участия граждан Российской Федерации в незаконных вооруженных формиро-

ваниях на территории иностранных государств составляют объект изучения концепции военно-полевой криминалистики³. Ввиду того что противодействие рассматриваемому преступлению преследует цель обеспечения военной и пограничной безопасности Российской Федерации, защиты и охраны государственной границы Российской Федерации⁴, данную деятельность невозможно рассматривать в отрыве от военного права. При этом важно учитывать, что предмет военного права в общем виде является совокупностью многоуровневых, относительно самостоятельных общественных отношений, складывающихся в области военно-оборонной деятельности государства⁵, что в очередной раз подтверждает тесную связь рассматриваемого преступного явления с военно-уголовным направлением военного права.

Учитывая сложность расследования данного преступления, необходимость использования специальных знаний различных отраслей наук, наличие междисциплинарных связей, необходимых для изучения его особенностей (таких как криминалистика, криминология, уголовное право, оперативно-разыскная деятельность), и учитывая связь исследуемого негативного явления с военно-уголовным правом, военной криминалистикой, предлагаемую комплексную характеристику целесообразно именовать комплексной военно-правовой характеристикой участия граждан Российской Федерации в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств.

Ввиду того что научно-теоретическое и практическое представления о преступлении складываются из общетеоретических представлений и практических сведений, в состав комплексной характеристики входят теоретический и практический блоки. При этом, по мнению автора, в теоретической блок целесообразно включать в совокупности те характеристики преступления, которые позволяют составить наиболее полную исходную картину и общее

¹ Завербованную экстремистами студентку задержали в группе из 13 россиян // Российская газета. 05.06.2015. URL: <http://www.rg.ru/2015/06/05/gruppa-anons.html> (дата обращения: 20.06.2016).

² Агапов П.В. Незаконные вооруженные формирования как форма проявления экстремизма. М.: Эксмо, 2013. С. 18.

³ Маликов С.В. Концепция военно-полевой криминалистики // Вестник Владимирского юридического института. Владимир, 2010. № 2 (15). С. 118.

⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 20.06.2016).

⁵ Фатеев К.В. Оперативное право и военные проблемы права безопасности как направления дальнейших исследований комплексной отрасли военного права // Российский военно-правовой сборник. 2007. № 9. С. 200–204.



представление о конкретном преступлении или группе однородных преступлений. Наиболее эффективно достижению данной цели способствует включение в теоретический блок методики расследования преступлений — уголовно-правовой, криминологической, криминалистической и иных характеристик.

Результаты анализа исследований по проблемам содержания различных характеристик свидетельствуют о возможности включения в состав комплексной военно-правовой характеристики участия граждан России в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств следующих характеристик: социальной, уголовно-правовой, криминологической, криминалистической, оперативно-разыскной.

Социальная характеристика участия граждан Российской Федерации в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств имеет первостепенное значение для решения стратегических задач борьбы с преступностью, разработки долгосрочных программ предупреждения преступности, усиления социального контроля за ней. Содержанием социальной характеристики участия граждан Российской Федерации в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств являются общественная опасность преступления, отражающая реальные угрозы национальной безопасности Российской Федерации, их распространенность, а также факторы, способствующие совершению.

В уголовном праве такое понятие, как уголовно-правовая характеристика преступления, упоминается только в научных целях и при рассмотрении вопроса о расследовании того или иного вида преступлений. Так, Р.М. Узденов в уголовно-правовой характеристике преступлений выделяет все четыре элемента состава преступления: объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону данного преступления⁶. Другие авторы, наоборот, уголовно-правовую характеристику преступлений сужают, включая в нее лишь некоторые элементы состава преступлений⁷.

Следует согласиться с Л.Д. Гаухманом, который включает в уголовно-правовую характеристику вопро-

сы понятия и квалификации преступления⁸, так как уголовно-правовая оценка расследуемого события имеет важное значение и, бесспорно, все элементы состава преступления обязательно должны входить в уголовно-правовую характеристику преступлений. В определении понятия состава преступления в основном все специалисты в области уголовного права сходятся во мнении о том, что он представляет собой признаки, характеризующие какой-либо вид преступления.

Таким образом, в состав уголовно-правовой характеристики участия граждан Российской Федерации в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств целесообразно включить: понятие рассматриваемого преступления, его юридический состав, особенности квалификации и отграничения от смежных составов преступлений.

Криминологическая характеристика участия граждан в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств представляет собой совокупность информации, необходимой для предупреждения данного преступного явления. В данном случае криминологическая характеристика включает в себя такие элементы, как: основные отличительные элементы деятельности незаконных вооруженных формирований; факторы, способствующие участию в них граждан; последствия, возникающие в результате данного участия; необходимые меры по противодействию данному преступному явлению. Построение криминологической характеристики преступлений не является самоцелью данного вида деятельности, а служит средством достижения других целей — борьбе с преступлениями, включая их предупреждение и профилактику⁹.

Элементы социальной, криминологической и уголовно-правовой характеристик участия граждан РФ в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств позволяют сформировать теоретический блок комплексной военно-правовой характеристики. При этом положения представленного теоретического блока позволяют составить наиболее полное научно-теоретическое представление об исследуемом явлении посредством формирования и обоснования практического блока комплексной характеристики, представленного криминалистической и оперативно-разыскной характеристиками.

Криминалистическая характеристика традиционно является результатом обобщения и научного анализа

⁶ Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 М., 2008. С. 8.

⁷ См., напр.: Моисеенко А.И. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика терроризма (по материалам Южного федерального округа России): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ставрополь, 2006. С. 14; Галачиева М.М. Уголовно-правовой анализ террористического акта: законодательные и теоретические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2010. С. 87.

⁸ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория и практика. М.: Центр ЮрИнфоР, 2010. С. 106.

⁹ Новикова Ю.В. Сущность принципов криминологической характеристики преступности (преступлений) // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 307.



судебно-следственной и оперативной практики, отражает признаки и свойства преступлений определенной категории и имеет важное практическое значение.

Дискуссия относительно понятия криминалистической характеристики преступления продолжается до настоящего времени¹⁰. Анализ различных точек зрения, изучение практических материалов показывают, что для составления криминалистической характеристики преступлений, связанных с участием граждан Российской Федерации в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств, наиболее эффективен подход И.И. Рубцова, который представляет ее как систематизированную совокупность обобщенных фактических, закономерно взаимосвязанных, криминалистически значимых данных об отдельных видах преступных деяний, являющихся важнейшим источником для организации и осуществления всестороннего, полного, объективного и быстрого их раскрытия, расследования и предупреждения¹¹.

На основе вышеуказанных соображений и общепринятого в литературе представления об элементах криминалистической характеристики, а также с учетом результатов проведенного исследования необходимо остановиться на следующей структуре криминалистической характеристики участия граждан РФ в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств: типичная исходная обстановка; механизм совершения преступления, включающий способ совершения и сокрытия данного вида преступления; особенности личности преступника (включая типичные мотивы совершения данного вида преступлений и степень вербруемости отдельно взятой личности).

Назначение оперативно-разыскной характеристики состоит в том, что она служит теоретической и информационной базой для разработки основных тактических приемов для эффективного раскрытия преступлений, связанных с участием граждан Российской Федерации в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств.

Содержание оперативно-разыскной характеристики преступления составляют признаки, качества

и свойства, учет которых позволяет более продуктивно применять силы, средства и методы оперативно-разыскной деятельности¹². При этом специфический, комплексный характер теории оперативно-разыскной деятельности предопределяет необходимость максимального использования различных видов информационных объектов, способствующих наиболее полному применению оперативных возможностей пограничных органов.

Оперативно-разыскная характеристика преступлений, связанных с незаконным участием граждан РФ в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств, представляет собой систему свойств и информационных признаков в рамках складывающейся оперативной обстановки на конкретный момент времени, знание которых способствует эффективному решению организационно-тактических задач по раскрытию преступлений¹³, предусмотренных ч. 2 ст. 208 УК РФ, и имеет существенное значение не только при решении оперативно-тактических задач, но и на организационно-управленческом уровне деятельности пограничных органов.

Применительно к рассматриваемому виду преступления целесообразно исследовать следующие элементы оперативно-разыскной характеристики, анализируя которые можно получить ориентирующую информацию о данных преступлениях и лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также тактически правильно организовать документирование: особенности оперативной обстановки; типичный перечень документов, необходимый для выявления преступления; характер оперативной информации о готовящемся или совершенном преступлении. Эти элементы обладают рядом поисково-тактических признаков, знание которых необходимо для более эффективного применения сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности в целях своевременного решения ее специфических задач.

На основании вышесказанного, руководствуясь результатами обобщения теоретических источников по выбранной теме, анализируя итоги проведенного исследования и обобщения практики деятельности пограничных органов по противодействию участию граждан Российской Федерации в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств, можно сделать обоснованный вывод о том, что наиболее полно и всесторонне с научной и практической точек зрения сущность и содержание

¹⁰ См., напр.: Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 2002. С. 23; Корноухов В.Е. О структуре методик по расследованию преступлений // Вестн. криминалистики. Вып. 2 (10). М., 2004. С. 21; Облаков А.А. Криминалистическая характеристика и классификация мошенничеств в сфере оптового потребительского рынка // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 1. С. 11–12; Рубцов И.И. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент частных методик расследования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 44.

¹¹ Рубцов И.И. Указ. соч. С. 31.

¹² Плугин Р.Ю. Оперативно-разыскная характеристика преступлений, связанных с торговлей людьми с целью эксплуатации рабского труда // Рос. следователь. 2010. № 4. С. 18.

¹³ Там же. С. 17–20.



исследуемого преступного деяния можно изучить при построении его комплексной военно-правовой характеристики, включающей в себя в обобщенном

виде элементы социальной, уголовно-правовой, криминологической, криминалистической и оперативно-разыскной характеристик.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2006 г. № 6-ФКЗ, от 21 июля 2007 г. № 5-ФКЗ, законами Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 24 мая 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Агапов П.В. Незаконные вооруженные формирования как форма проявления экстремизма / П.В. Агапов. М.: Эксмо, 2013. 118 с.
4. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений / А.Н. Васильев. М., 2002. 76 с.
5. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория и практика / Л.Д. Гаухман. М.: Центр ЮрИнфоР, 2010. 559 с.
6. Корноухов В.Е. О структуре методик по расследованию преступлений / В.Е. Корноухов // Вестн. криминологии. М., 2004. Вып. 2 (10). С. 21–28.
7. Маликов С.В. Концепция военно-полевой криминологии / С.В. Маликов // Вестник Владимирского юридического института. Владимир, 2010. № 2 (15). С. 118–125.
8. Новикова Ю.В. Сущность принципов криминологической характеристики преступности (преступлений) / Ю.В. Новикова // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 305–311.
9. Облаков А.А. Криминологическая характеристика и классификация мошенничеств в сфере оптового потребительского рынка / А.А. Облаков // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 1. С.141–181.
10. Фатеев К.В. Оперативное право и военные проблемы права безопасности как направления дальнейших исследований комплексной отрасли военного права / К.В. Фатеев // Российский военно-правовой сборник. 2007. № 9. С. 200–204.

СУЩНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПО ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

*Багдасарян Ирина Артемовна,
заведующая кафедрой военного права
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации,
кандидат юридических наук
irina.bagdasarian@yandex.ru*

В статье рассматриваются административно-правовые средства противодействия коррупции в сфере перемещений военнослужащих по военной службе. Сформулировано авторское определение понятия «правовые средства предупреждения коррупции в Вооруженных силах». Административно-правовым средствам отводится главенствующая роль в системе противодействия коррупции, так как существенная работа правоприменителя в указанной сфере связана с использованием внутриорганизационного потенциала органов военного управления. Административно-правовые средства противодействия коррупции в сфере перемещений военнослужащих по военной службе тесно взаимосвязаны и образуют своего рода систему, которую можно назвать кадровыми антикоррупционными технологиями, которые представляют собой комплекс взаимосвязанных форм, средств и методов воздействия на военнослужащих и лиц гражданского персонала организационно-правового, воспитательного характера в целях предотвращения условий для возникновения коррупционных отношений, а также ликвидации последствий коррупционных проявлений.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, перемещение военнослужащих, правовые средства.



Essence of Administrative Law Corruption Countering Means in Military Personnel Promotion Sphere

*Bagdasaryan Irina A.,
Head of the Department of Military Law
of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences*

The article discusses administrative and legal means of counteraction of corruption in the field of movements of military personnel in military service. Formulated the author's definition of "legal means of corruption prevention in the Armed Forces". Administrative and legal tools play a key role in the system of combating corruption because the main burden of applying the law in this area is associated with the activation of intra-organizational capacities of Executive authorities and other state bodies. Administrative-legal means of counteraction of corruption in the field of movements of military personnel in military service are closely interrelated and form a kind of system that can be called the anti-corruption cadre technologies, which represent a complex of interrelated forms, means and methods of influence on military personnel and those civilian personnel, organizational, legal, and educational nature to prevent the conditions for the occurrence of corruption relations, and also liquidation of consequences of acts of corruption.

Key words: *corruption, anti-corruption, movement of troops, legal means.*

Исходя из основных положений ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» следует сделать вывод, что противодействие коррупции в Вооруженных силах — это деятельность органов военного управления и их должностных лиц, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий: в сфере предупреждения коррупции, а также по выявлению и дальнейшему устранению причин коррупционных правонарушений (профилактика коррупции); по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); по уменьшению и (или) полному устранению негативных результатов актов коррупции.

Из указанных трех направлений противодействия коррупции безусловный приоритет должен отдаваться первому направлению — профилактике коррупции, под которой в научной литературе понимается совокупность мер, направленных на выявление, ограничение или нейтрализацию факторов коррупции, общественной опасности личности участника коррупционного отношения, а также на устранение факторов возникновения и распространения отдельных видов и форм коррупции. Приоритетное применение мер профилактики коррупции закреплено законодательно в качестве одного из принципов противодействия коррупции в Вооруженных силах.

Профилактика коррупции — это комплекс мер предупреждающего действия, цель которых, по нашему мнению, заключается в недопущении совершения коррупционных актов, предупреждении возникновения новых разновидностей проявления коррупции, их количественного и качественного изменения. Принято выделять два главенствующих вектора в механизме пред-

упреждения коррупции: социальное и ситуационное¹. К первому вектору относятся меры контрольно-надзорного и воспитательного свойства, применяемые к военнослужащим, государственным гражданским служащим, а также лицам гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, замещающим должности, исполнение обязанностей по которым сопряжено с коррупционными рисками. Представляется, что указанные лица в очень высокой степени уязвимы с точки зрения возможного совершения коррупционных правонарушений.

Второй, ситуационный, вектор обусловлен возникновением условий, которые создают предпосылки для предотвращения коррупционных актов или позволяют не допустить самой возможности исполнения заведомо незаконных намерений. К данной группе целесообразно отнести антикоррупционные институты и механизмы, установленные законодательством о противодействии коррупции, о государственной службе, в том числе о военной службе.

Как подтверждает практика, наиважнейшее место в системе разнообразных средств противодействия коррупции отведено правовым средствам — правовым явлениям, выражающимся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), посредством которых удовлетворяются интересы субъектов права, гарантируется достижение поставленных социально полезных целей.

Особенностями правовых средств являются: присутствие специфической правовой природы, бытность их явлениями исключительно правового характера, так как они базируются на юридических нормах и облечены в правовую форму; неизбежно объединены с целями правовой политики, ввиду того, что порождены и действуют для достижения подобных предписаний; объ-

¹ Козлов, Т.А. Профилактика коррупции на военной службе / Т.А. Козлов // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 3. С. 1–9.



единяясь определенным образом, они трансформируются в узловые работающие элементы действия права, механизма правового регулирования; гарантируются государством посредством мер властного воздействия; ведут к конкретным юридически значимым последствиям, конкретным результатам, той или иной степени ответственности либо порочности правового регулирования. Правовые средства тесно связаны между собой и в совокупности образуют механизм правового регулирования.

С точки зрения соотношения с категорией «правовая цель» рассматривает данное понятие Д.А. Керимов. «Для достижения цели нужны адекватные средства. Собственно они и являются объединяющим фактором субъекта цели и объекта его деятельности. В их отсутствие цели недостижимы, так же как и за неимением цели, имеющиеся средства не способствуют достижению результату. Вместе с тем, при наличии и целей, и средств необходима еще деятельность, которая с помощью средств трансформирует цели в результат. Вследствие этого, цели и средства в известной мере едины»². Применительно к противодействию коррупции использование правовых средств имеет целью предупреждение коррупции и минимизацию ее последствий.

В.Д. Сорокин, характеризуя механизм правового регулирования, указывает, что различают всего три основных способа влияния на общественные отношения: дозволение, предписание и запрет. Существует большой выбор вариантов применения каждого из указанных способов, определения многочисленных нюансов дозволений, предписаний, запретов, которые по своему многообразию не уступают разнообразию регулируемых ими общественных отношений³.

Исходя из указанных трактовок понятия «правовые средства», можно сформулировать определение *правовых средств предупреждения коррупции в Вооруженных силах* как нормативно-правовых предписаний, содержащихся в военном законодательстве и законодательстве о противодействии коррупции, которые устанавливают направления, способы противодействия коррупционным проявлениям и имеют место в области обороны и военной безопасности государства с целью ликвидации таких проявлений и (или) уменьшения их отрицательных последствий. Специфика использования таких средств детерминирована главными началами (принципами) руководства в Вооруженных силах: единоначалием, безоговорочностью воинского подчинения, централизацией

руководства военной организации государства, детальным упорядочением воинских отношений.

Сообразно обусловленности отраслевой принадлежностью применяемых юридических норм признана следующая их дифференциация: гражданско-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые средства противодействия коррупции в Вооруженных силах. Несомненно, в сфере военного управления применимы в основном методы юридического властвования, или властных предписаний, исходящих от правомочного субъекта управления, которые свойственны предмету административного права. Им присущ односторонний характер, в них передается воля субъекта управления. Таким образом, формируется механизм правового регулирования, не являющийся итогом взаимного выражения воли управляющих и управляемых. Указанное обстоятельство предопределяет заключение о том, что противодействие коррупции в Вооруженных силах в общем, а также в рамках института прохождения военной службы реализуется в основном через использование административно-правовых средств.

В правовых исследованиях административно-правовым средствам отводится главенствующая роль в системе противодействия коррупции, так как существенная работа правоприменителя в указанной сфере связана с использованием внутриорганизационного потенциала органов исполнительной власти и иных государственных органов. Это связано с распространением административно-правового регулирования на порядок исполнения государственно-служебных функций. Если роль уголовно-правовых средств заключается в том, чтобы привлечь к ответственности коррупционера, применить к нему меры уголовно-правовой репрессии, то роль административно-правовых — ликвидировать или хотя бы минимизировать условия, с которыми связано распространение коррупции⁴.

Опираясь на приведенные выше теоретические положения, можем сформулировать следующее определение административно-правовых средств противодействия коррупции в сфере перемещений военнослужащих по военной службе: это основанные на методах позитивного властвования нормативно-правовые предписания, содержащиеся в военном законодательстве и законодательстве о противодействии коррупции, регламентирующие приемы и способы минимизации коррупционных рисков в сфере перемещений военнослужащих по военной службе, с целью устранения предпосылок возникновения коррупционных проявлений и (или) их отрицательных последствий.

² Керимов, Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права: монография / Д.А. Керимов. 4-е изд. М.: Изд. СГУ, 2008. С. 279.

³ Сорокин, В.Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень): монография / В.Д. Сорокин. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 98–99.

⁴ Юсупов, А.Л. Дисциплинарная ответственность за нарушения законодательства о противодействии коррупции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Юсупов Артур Леонидович. Саратов, 2014. С. 15–16.



Количество административно-правовых средств противодействия коррупции достаточно обширно. С точки зрения их функционального предназначения всю обширную совокупность административно-правовых средств противодействия коррупции в сфере перемещений военнослужащих по военной службе можно разделить на две большие группы: административно-правовые средства общего характера — это такие средства, которые применяются не только в сфере прохождения военной службы, но и в иных областях воинских правоотношений; специальные административно-правовые средства — это те, которые применяются только в сфере перемещений военнослужащих по военной службе.

К первой группе, по нашему мнению, можно отнести такие нормативные предписания административно-правового характера, которые предусмотрены законодательством о противодействии коррупции, а также законодательством о военной службе и о статусе военнослужащих: установление в среде военнослужащих критически негативного отношения к коррупционному образу действий; выполнение антикоррупционной экспертизы правовых актов, а также их проектов; исследование в органах военного управления не менее одного раза в три месяца вопросов правоприменительной практики по результатам вступивших в законную силу решений судов, арбитражных судов о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) органов военного управления и их должностных лиц в целях разработки и выполнения мер по профилактике и устранению причин выявленных нарушений; исполнение надлежащего контроля за доходами и расходами военнослужащих, замещающих должности, которые включены в списки, определенные нормативными правовыми актами Российской Федерации; эволюция институтов общественного контроля за исполнением в Вооруженных силах законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции; законодательное установление антикоррупционных ограничений, запретов и дополнительных обязанностей, которые сопряжены с прохождением военной службы; выполнением мер дисциплинарной ответственности военнослужащих за коррупционные правонарушения и за нарушения законодательства о противодействии коррупции.

Проанализированные административно-правовые средства противодействия коррупции носят общий характер, т.е. они распространяют свое действие на всех военнослужащих и практически на все сферы повседневной жизнедеятельности военных организаций, в том числе и на правоотношения, которые связаны с перемещением военнослужащих по военной службе.

Наряду с ними имеются и такие административно-правовые средства, которые носят специальный харак-

тер и предназначены для применения именно к сфере перемещений военнослужащих по военной службе.

К их числу можно отнести: предъявление в законодательно установленном законом порядке квалификационных требований к гражданам и военнослужащим, которые претендуют на замещение воинских должностей, а также проверка в установленном порядке сведений, представляемых данными лицами; укоренение в практике кадровой деятельности органов военного управления правила, в соответствии с которым длительное, качественное и результативное исполнение военнослужащим обусловленных должностью обязанностей безусловно необходимо учитывать при назначении его на вышестоящую должность, а также при присвоении ему очередного воинского звания; участие в решении вопросов, относящихся к перемещениям военнослужащих по военной службе, специальных коллегиальных органов — аттестационных комиссий; конкурсный порядок замещения отдельных воинских должностей; формирование и ведение кадрового резерва; осуществление регулярной ротации военнослужащих, замещающих отдельные воинские должности; применение в практике военно-кадровой политики института поручительства.

Административно-правовые средства противодействия коррупции в сфере перемещений военнослужащих по военной службе тесно взаимосвязаны и образуют своего рода систему, которую можно именовать кадровыми антикоррупционными технологиями.

Одно из первых определений данного понятия (применительно к сфере государственных закупок товаров, работ и услуг) сформулировано В.М. Корякиным. По мнению данного автора, «антикоррупционные кадровые технологии в области государственных закупок целесообразно определить как комплекс способов и средств, связанных с подбором, расстановкой, обучением, воспитанием, профессиональной переподготовкой и повышением квалификации и осуществлением контроля за деятельностью работников государственных органов и организаций, в чьи трудовые (служебные) обязанности вменено выполнение определенных функций по реализации государственных закупок товаров, работ и услуг»⁵.

Данное обстоятельство позволяет ставить вопрос о разработке и внедрении в практику военно-кадровой работы специальных антикоррупционных технологий, позволяющих предупредить возникновение коррупционных отношений, минимизировать их деструктивные последствия для конкретной военной организации, для государства и общества в целом. Соответственно, меры антикоррупционного характера (антикоррупционные кадровые

⁵ Корякин, В.М. Противодействие коррупции в сфере закупок товаров, работ и услуг для нужд обороны и военной безопасности государства: монография. С. 293.



технологии) должны стать неотъемлемой составной частью содержания кадровой работы в Вооруженных силах.

По нашему мнению, *антикоррупционные кадровые технологии* представляют собой комплекс взаимосвязанных форм, средств и методов воздействия на воен-

нослужащих и лиц гражданского персонала организационно-правового, воспитательного характера в целях предотвращения условий для возникновения коррупционных отношений, а также ликвидации последствий коррупционных проявлений.

Литература

1. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права: монография / Д.А. Керимов. 4-е изд. М. : Изд-во СГУ, 2008. 521 с.
2. Козлов Т.Л. Профилактика коррупции на военной службе / Т.Л. Козлов // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 3. С. 1–9.
3. Корякин В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности: монография / В.М. Корякин. М. : Юрлитинформ, 2014. 456 с.
4. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень): монография / В.Д. Сорокин. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 661 с.
5. Юсупов А.А. Дисциплинарная ответственность за нарушения законодательства о противодействии коррупции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Юсупов Артур Леонидович. Саратов, 2014. 204 с.

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ И ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Шидаков Шамиль Тарзанович,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова
sh_shidakov@bk.ru

В статье рассматриваются типичные проблемы разграничения преступлений и административных правонарушений в области воинской обязанности и военной службы. Сделаны предложения по криминализации и декриминализации некоторых деяний в этой области, а также высказаны некоторые соображения методологического характера.

Ключевые слова: *преступление, административное правонарушение, воинская обязанность, военная служба, ответственность.*

Issue of Demarcation of Crimes and Administrative Offence in Military Duty and Military Service

Shidakov Shamil T.,
Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU)

The article considers typical problems of differentiation between crimes and administrative offences in the area of military duty and military service. The author makes suggestions on criminalization and decriminalization of some unlawful acts in this area and express several methodological considerations.

Key words: *crime, administrative offence, military duty, military service, responsibility.*

Теоретическая проблема разграничения преступлений и административных правонарушений, имею-

щая чрезвычайно абстрактный характер и затрагивающая глубинные основы уголовного права и института



административной ответственности, оказывает прямое и значительное воздействие на сугубо практические аспекты общественной жизни и жизни каждого конкретного индивида. Научная дискуссия по данному вопросу имеет давнюю историю, насчитывает не одно поколение юристов и, к сожалению, так и не завершилась на данный момент принятием какой-либо единой и бесспорной концепции.

Все многообразие мнений по поводу разграничения преступлений и административных правонарушений сводится к двум принципиальным подходам: качественному и количественному. С точки зрения качественного подхода преступление является специфическим видом противоправного поведения, заключающим в себе такой признак, как общественная опасность. Административное правонарушение с этой точки зрения рассматривается как деяние вредоносное, тем не менее не несущее общественной опасности — как действие или бездействие, имеющее нулевую общественную опасность¹. Количественный же подход связан с наделением обоих понятий таким признаком, как общественная опасность, и разделением их по степени: преступления рассматриваются как деяния с повышенной общественной опасностью, а административные правонарушения — с пониженной².

Если разница между наиболее тяжкими преступлениями и административными правонарушениями улавливается даже интуитивно, то совсем по-другому встает вопрос о разграничении близких по характеру групп деяний — преступлений небольшой тяжести и грубых административных правонарушений. Разделяющая их черта, которую можно было бы назвать «уголовно-административной границей», именно по причине отсутствия четких критериев становится «подвижной», что порождает феномен «уголовно-административной миграции» — перехода разных или одних и тех же составов из уголовного закона в закон об административной ответственности (декриминализация) и, наоборот, криминализации деяний, ранее квалифицировавшихся как административные правонарушения.

Подобная подвижность, независимо от того, отражается ли она в текущем законотворческом процессе или остается латентной, таит в себе принципиально

недопустимый порок — несоответствие и несоразмерность между характером противоправного деяния и строгостью ответственности за него. Судимость, являющаяся уникальным элементом уголовной ответственности, означаящим для преступника претерпевание «пожизненных» неудобств и ограничений, становится слишком суровым инструментом в ситуации неуверенности законодателя относительно преступной природы некоторых деяний. И наоборот, преступные по своей природе деяния, «сбежавшие» из уголовного заточения в просторную сферу административной ответственности, наносят такой вред общественным отношениям, который может казаться законодателю терпимым, но в действительности является разрушающим.

Действующее законодательство Российской Федерации не отличается последовательностью и системностью в вопросе разграничения преступлений и административных правонарушений.

Общий подход, реализованный в законодательстве, безусловно имеет качественный характер. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП) содержат определения понятий «преступление» и «административное правонарушение» соответственно. Преступление определяется в ст. 14 УК РФ через два специальных признака: формальный признак, то есть запрещенность уголовным законом, и материальный — общественная опасность деяния. КоАП не называет административное правонарушение «общественно опасным» и ограничивается лишь формальным признаком (ст. 2.1). Далее УК РФ разделяет всю совокупность преступлений на четыре категории тяжести, очевидно отождествляя «тяжесть» с «общественной опасностью». Проводя эту категоризацию по характеру и степени общественной опасности, уголовный закон устанавливает нижнюю планку предмета своего регулирования в виде «преступлений небольшой тяжести». Следовательно, преступления небольшой тяжести обладают минимальной общественной опасностью, что означает отсутствие какой-либо общественной опасности у любых иных противоправных деяний, в частности — у административных правонарушений. Дополнительно подчеркивает эту качественную концепцию специально закрепленный в УК РФ институт малозначительного деяния, которое определяется как действие или бездействие, во всем тождественное какому-либо составу преступления, но не обладающее общественной опасностью. По этой причине лицо, совершившее такое деяние, не привлекается к уголовной ответственности.

Изложенная базовая модель сталкивается с рядом отклонений и сложностей на уровне разграничения

¹ В новейшей российской науке уголовного права данный подход наиболее последовательно и системно изложен в трудах профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Н.Ф. Кузнецовой. См., например: Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.

² Сторонниками данной позиции являются А.И. Рарог, М.Д. Шаргородский и др. См., например: Уголовное право России. Общая часть / под ред. проф. А.И. Рарога. М.: ИМПЭ, 1998; Шаргородский М.Д. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.



множества конкретных составов, закрепленных УК РФ и КоАП (а также иными законами, устанавливающими административную ответственность). Прежде всего это касается составов, дублирующих друг друга в УК РФ и КоАП и дифференцированных исключительно количественными показателями: вес в граммах, размер денежной суммы в тысячах рублей, продолжительность времени в сутках и т.д. Разграничение преступлений и административных правонарушений на основе подобных критериев всегда относительно и представляет собой определенную методологическую конвенцию. Для ряда составов вообще не представляется возможным установить какие-либо числовые измерения, в связи с чем законодатель и правоприменителю приходится иметь дело с оценочными, трудноформализуемыми понятиями, такими как «существенный вред», «тяжкие последствия» и др. Наконец, существуют такие деяния, правильная квалификация которых осуществляется в условиях отсутствия каких-либо оценочных «подсказок» и требует от законодателя глубокого понимания их сути и роли в общественной жизни. Прекрасным примером такого рода деяний являются клевета и оскорбление, с квалификацией которых связана активная экспертно-юридическая дискуссия нескольких последних лет, проходящая на фоне миграции этих составов из УК РФ в КоАП и обратно.

Несовершенство механизма разграничения преступлений и административных правонарушений имеет важное значение для такой специфической области общественных отношений, как область воинской обязанности и военной службы. Подобное обозначение этой группы отношений закреплено в одноименном ФЗ № 141 «О воинской обязанности и военной службе», который, наряду с некоторыми другими нормативно-правовыми актами³, является основополагающим источником правового регулирования соответствующих отношений. Содержание воинской обязанности раскрыто в ст. 1 ФЗ № 141 и определяет структуру процесса исполнения гражданами их конституционной обязанности от постановки на воинский учет до призыва на военные сборы и прохождения военных сборов в период пребывания в запасе. Как видно из содержания статьи, непосредственно военная служба является лишь одним из элементов или этапов более широкого круга мероприятий по исполнению воинской обязанности. Легальное определение этого понятия содержится в ст. 6 ФЗ № 58 «О системе государственной

службы Российской Федерации», в соответствии с которой военная служба определяется как вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на воинских должностях или не на воинских должностях в случаях и на условиях, предусмотренных федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства.

Установление уголовной ответственности за общественно опасные деяния в области воинской обязанности и военной службы в действующей редакции УК РФ имеет ряд особенностей. Во-первых, отдельному обособлению в рамках раздела XI Особенной части УК подвергнуты только преступления против военной службы (гл. 33), в то время как уклонение от прохождения военной службы закреплено в ст. 328 главы 32 «Преступления против порядка управления». Во-вторых, положения главы 33 УК РФ распространяются только на деяния, совершенные в мирное время, то есть не в военное время и не в боевой обстановке. В-третьих, понятие преступлений против военной службы намного уже так называемой «преступности военнослужащих», которые, в случае совершения деяний, предусмотренных другими разделами и главами УК РФ, несут ответственность на общих основаниях.

Статья 331 УК РФ дает определение преступлениям против военной службы и указывает на их родовый объект — установленный порядок прохождения военной службы. По непосредственному объекту все преступления, закрепленные в гл. 33, можно разделить на следующие группы: преступления против порядка подчиненности и уставных взаимоотношений между военнослужащими (ст. 332–336), преступления против порядка прохождения военной службы (ст. 337–339), преступления против порядка несения специальных служб (ст. 340–344) и преступления против порядка обращения с военным имуществом, оружием, источниками повышенной опасности, использования и эксплуатации военной техники (ст. 345–352)⁴.

Вопрос об административных правонарушениях в области воинской обязанности и военной службы требует емкого изложения некоторого предварительного теоретического соображения, созревшего в предыдущих рассуждениях.

³ Среди них: ФЗ от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне», ФЗ от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», Положение о порядке прохождения военной службы, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 «Вопросы прохождения военной службы», а также общевоинские уставы Вооруженных Сил РФ.

⁴ Подробнее об этом см.: Российское уголовное право: В 2-х т.: учебник. Т. 2: Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рапога. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. С. 622–653.



Первое. В общественной жизни отчетливо выделяется область отношений, связанных с исполнением гражданами конституционной обязанности по защите Отечества. Военная служба является важнейшим, но не единственным элементом содержания воинской обязанности гражданина РФ, включающей также воинский учет, обязательную подготовку к военной службе, призыв на военную службу и пребывание в запасе (ст. 1 ФЗ № 141). Таким образом, существует родовый объект, который можно назвать «отношения, связанные с исполнением воинской обязанности». Второе. В отношении выделенного объекта возможны преступные и не преступные правонарушения, в связи с чем необходимо строго различать правонарушения, совершенные против отношений, связанных с исполнением воинской обязанности, и совершенные военнослужащими правонарушения, не посягающие на соответствующий объект. Третье. В действующем законодательстве РФ, устанавливающем уголовную и административную ответственность, не наблюдается четкого выделения обозначенного родового объекта и системного регулирования соответствующих отношений.

Продолжая вышеизложенную схему, необходимо очертить круг административных правонарушений, посягающих на отношения, связанные с исполнением воинской обязанности. Здесь не стоит отдельно разбирать специфику административной и дисциплинарной ответственности военнослужащих⁵ и законодательно закрепленную форму замены административной ответственности на дисциплинарную (ст. 2.5 КоАП). Законодательная конструкция юридической ответственности военнослужащих довольно сложна, не говоря о том, что в широком смысле любое нарушение военнослужащим действующего законодательства РФ одновременно квалифицируется как нарушение воинской дисциплины (ст. 3 Дисциплинарного устава ВС РФ относит «строгое» соблюдение Конституции РФ и законов РФ к содержанию воинской дисциплины).

В данном случае под административным правонарушением против отношений, связанных с исполнением воинской обязанности, понимается сложная обобщающая конструкция, состоящая из двух групп деяний. Первую группу составляют административные правонарушения, совершенные «гражданскими лицами» против воинского учета и иных элементов воинской обязанно-

сти. Во вторую группу входят дисциплинарные проступки военнослужащих, установленные Дисциплинарным уставом ВС РФ. В результате административные правонарушения в области отношений, связанных с исполнением воинской обязанности, становятся удобной категорией, исчерпывающей для данной области всю полноту не преступных публичных правонарушений.

Основные проблемы разграничения преступлений и административных правонарушений в области воинской обязанности и военной службы совпадают с общепрофессиональными методологическими трудностями. Тем не менее, именно в рассматриваемой области задача разграничения усложняется дополнительными факторами. Во-первых, квалификация деяний в этой области всегда требует специальных знаний в сфере военной безопасности государства. Во-вторых, представляется трудным найти баланс между общей тенденцией гуманизации и либерализации уголовного законодательства и высокой степенью важности и строгости отношений, связанных с исполнением воинской обязанности.

Большинство составов, закрепленных в гл. 33 УК РФ, содержат в качестве основания криминализации оценочные критерии, такие как «существенный вред», «тяжкие последствия», «вред интересам безопасности государства», «вред правам и законным интересам граждан» и др. Содержание этих понятий не раскрывается в законодательстве, а судебная практика дает лишь конкретные примеры, среди которых встречаются причинение по неосторожности смерти, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью людей, срыв мероприятий по обеспечению постоянной боевой готовности воинской части, уничтожение или вывод из строя военной техники, невыполнение боевой задачи и т.д.

Статьи УК РФ, устанавливающие ответственность за самовольное оставление части или места службы (ст. 337) и дезертирство (ст. 338), содержат примечание о возможном освобождении от уголовной ответственности, если соответствующее деяние явилось следствием «стечения тяжелых обстоятельств». Данная формулировка отличается повышенной степенью неопределенности и имеет некоторые признаки административной преюдиции — привлечения лица к уголовной ответственности за повторное совершение административного правонарушения. При квалификации тех или иных обстоятельств как «тяжелых» в качестве «подсказки» для судьбы часто выступают основания предоставления военнослужащим отпусков по личным обстоятельствам или отсрочки от призыва на военную службу. Тем не менее понятие «тяжелые обстоятельства» не может ограничиваться только этим перечнем и остается очень неопределенным и субъективным⁶.

⁵ Актуальность и сложность данного вопроса подчеркивает Ю.Н. Туганов: «Уяснение юридической природы дисциплинарной ответственности, умение соотносить меры дисциплинарной ответственности с иными видами дисциплинарно-правового принуждения являются важнейшей задачей административного и военного права, военно-правовой науки и юридической практики» (Туганов Ю.Н. Институт дисциплинарной ответственности и его развитие в военном праве России // Российский судья. 2005. № 9. С. 42).

⁶ Анализ конструкции «стечение тяжелых обстоятельств» см.: Камнев Р.Г. Совершение преступления под влиянием



Среди правонарушений, посягающих на иные, чем военная служба, элементы воинской обязанности, только одно деяние закреплено в качестве уголовно наказуемого, а именно «Уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы» (ст. 328 УК РФ), которое раскрывается как уклонение от призыва. В то же время КоАП содержит главу 21, которая называется «Административные правонарушения в области воинского учета» и содержит 7 статей, закрепляющих составы деяний, препятствующих полноценному функционированию системы воинского учета. Взгляд законодателя, в соответствии с которым область исполнения воинской обязанности, не связанная непосредственно с военной службой, является «зоной» административной ответственности, представляется спорным. Есть основания предположить, что некоторые действия и бездействия, связанные с механизмом ведения воинского учета могут иметь общественную опасность и должны быть уголовно наказуемыми.

В литературе встречается много предложений по совершенствованию законодательства, устанавливающего уголовную и административную ответственность в области воинской обязанности и военной службы⁷. Однако методологически выверенного подхода в этом вопросе до сих пор нет. Как уже было сказано, при решении вопроса о криминализации или декриминализации деяний в соответствующей области необходимо учитывать обе тенденции — общее смягчение в применении уголовной ответственности и чрезвычайную важность обороноспособности и военной безопасности государства.

В качестве примера возможной декриминализации (тенденция гуманизации) необходимо рассмотреть содержание ст. 336 УК РФ, устанавливающей ответственность за оскорбление военнослужащего и включающей 2 состава: оскорбление между равными по статусу военнослужащими и оскорбление между военнослужащими, состоящими в отношении подчиненности (в обоих случаях, естественно, во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы). Представляется, что уголовная репрессия не является наиболее подходящим регулятором отношений между равными по статусу военнослужащими, если эти отношения не связаны с насилием или угрозой применения насилия. Оскорбление начальника подчиненного либо подчиненным начальника посягает на один из основных

элементов воинской дисциплины — субординацию, заключающуюся в послушании со стороны подчиненного и личном примере со стороны начальника. Отношения же между равными по статусу военнослужащими зачастую находятся в более сложном, текучем процессе формирования, складываются в стрессовой и напряженной обстановке, связанной с «тяготами и лишениями» военной службы. В связи с этим есть основание предположить, что оскорбление военнослужащим равного ему военнослужащего не имеет общественной опасности.

Обратную тенденцию, то есть тенденцию криминализации деяния в связи с повышенной строгостью соответствующей области, можно реализовать путем установления уголовной ответственности за употребление наркотических веществ во время несения военной службы. Если для «гражданских лиц» за употребление наркотических веществ установлена административная ответственность (ст. 6.9 КоАП), то это связано с отсутствием, по общему правилу, в их повседневной жизни действий и функций повышенной важности и опасности. В противоположность этому, каждодневная жизнь военнослужащего связана с повышенной опасностью и ответственностью и требует от него жесткой дисциплины и самообладания. Воздействие наркотических веществ на организм и волю военнослужащего в данном случае приобретает чрезвычайную общественную опасность⁸, поэтому необходимо всерьез поставить вопрос о криминализации употребления наркотических веществ военнослужащими во время несения военной службы.

Подводя промежуточные итоги этой, пока еще открытой, темы, можно сказать следующее. Проблема разграничения преступлений и административных правонарушений в области воинской обязанности и военной службы является частью аналогичной проблемы общетеоретического характера, и ее разрешение требует четких критериев и методологически выверенных подходов. В условиях отсутствия подобной единой методологии необходимо придерживаться, с одной стороны, «экономии» уголовной репрессии в отношении деяний, общественная опасность которых неочевидна, а с другой стороны — уметь «разглядеть» в некоторых особенно «ответственных» группах отношений, таких как область воинской обязанности и военной службы, определенные деяния, которые именно внутри данной области приобретают качество общественной опасности.

стечения тяжелых обстоятельств и его значение для уголовной ответственности за преступления против военной службы, предусмотренные статьями 337, 338 УК РФ // Военно-юридический журнал. 2008. № 10. С. 25–28.

⁷ См., например: Майоров А.В., Черепашкин А.С. Преступность военнослужащих: уголовно-правовой и криминологический аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 1 (8). С. 69–70.

⁸ Проблеме наркотизма и наркопреступности в области военной службы посвящен ряд специальных работ К.В. Харабета. См., например: Харабет К.В. Современная наркоситуация в Вооруженных Силах // Военно-юридический журнал. 2016. № 4. С. 17–20; Его же. Теоретические основы противодействия наркотизму и наркопреступности среди военнослужащих // Военно-юридический журнал. 2016. № 7. С. 10–15.



Литература

1. Камнев Р.Г. Совершение преступления под влиянием стечения тяжелых обстоятельств и его значение для уголовной ответственности за преступления против военной службы, предусмотренные статьями 337, 338 УК РФ / Р.Г. Камнев // Военно-юридический журнал. 2008. № 10. С. 25–29.
2. Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. : ИКД «Зерцало-М», 2002. 624 с.
3. Майоров А.В., Черепашкин А.С. Преступность военнослужащих: уголовно-правовой и криминологический аспект / А.В. Майоров, А.С. Черепашкин // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 1 (8). С. 64–71.
4. Российское уголовное право: В 2-х т.: учебник. Т. 2: Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2013. 682 с.
5. Туганов Ю.Н. Институт дисциплинарной ответственности и его развитие в военном праве России / Ю.Н. Туганов // Российский судья. 2005. № 9. С. 42–48.
6. Уголовное право России. Общая часть / под ред. проф. А.И. Рарога. М. : ИМПЭ, 1998. 728 с.
7. Харabet К.В. Современная наркоситуация в Вооруженных Силах / К.В. Харabet // Военно-юридический журнал. 2016. № 4. С. 17–20.
8. Харabet К.В. Теоретические основы противодействия наркотизму и наркопреступности среди военнослужащих / К.В. Харabet // Военно-юридический журнал. 2016. № 7. С. 10–15.
9. Шаргородский М.Д. Избранные труды / М.Д. Шаргородский. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 860 с.

СОДЕРЖАНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ПОГРАНИЧНЫХ ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ

*Холопова Елена Николаевна,
профессор кафедры уголовного процесса,
криминалистики и правовой информатики
Юридического института
Балтийского федерального университета имени И. Канта,
доктор юридических наук
elchol@mail.ru*

*Кобелев Дмитрий Николаевич,
специалист ООО «Калининградский центр
судебной экспертизы и оценки»
1nameless1@rambler.ru*

В статье проведен анализ появления и развития понятия «антитеррористическая деятельность», выделена объединяющая составляющая этого понятия, рассмотрены особенности и установлены основные элементы, образующие содержание антитеррористической деятельности подразделений специального назначения пограничных органов федеральной службы безопасности; дано авторское определение антитеррористической деятельности подразделений специального назначения пограничных органов федеральной службы безопасности.

Ключевые слова: антитеррористическая деятельность, подразделения специального назначения, противодействие терроризму, борьба с терроризмом, объект и субъект антитеррористической деятельности, внутриведомственные правовые акты.



Content of Counter-Terrorism Activity of Special Force Units of Border Authorities of the Federal Security Service

Kholopova Elena N.,

Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Legal Informatics of the Law Institute of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Doctor of Law

Kobelev Dmitry N.,

Specialist of Kaliningrad Centre of Forensic Examination and Evaluation, LLC

The article presents the analysis of emerging and development of the concept "anti-terrorist activities". The uniting component of this concept is highlighted, the peculiarities of the basic elements constituting the contents of antiterrorist activities of the detachments of special designation of the boundary bodies of Federal Security Service are considered and singled out. The article provides the author's definition of antiterrorist activities of the detachments of special designation of the boundary bodies of Federal Security Service.

Key words: *anti-terrorist activities, detachments of special designation, counteraction to terrorism, fight against terrorism, object and subject of anti-terrorist activities, interdepartmental legal acts.*

События, происходящие в мире за последнее десятилетие, свидетельствуют о том, что терроризм претерпел существенные изменения. Террористическая деятельность несет угрозу не только жизни и здоровью населения, отдельным институтам государства, но и государственности в целом. Апогеем организации террористической направленности стало создание Исламского государства Ирака и Леванта (далее — ИГИЛ), которое с 2013 года начало действовать на территории Сирии и Ирака в качестве непризнанного квазигосударства, а 29 июня 2014 года было провозглашено в качестве всемирного халифата со столицей в Эр-Ракке¹. Опасность данного вида террористической организации заключается в том, что она несет угрозу территориальной целостности уже существующих государств.

Конституция России устанавливает, что обеспечение целостности и неприкосновенности территории находится в ведении Российской Федерации². На достижение данной цели направлены ее положения, запрещающие создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни³.

Для определения антитеррористической деятельности необходимо в первую очередь определить ее содержание. Отсутствие представления о предмете исследования делает невозможным формирование нормативной базы, на которой будет основана антитеррористическая деятельность, определение ее организационной составляющей. Возникают сложности с формированием комплекса методов, способов и средств, посредством которых должна осуществляться эта деятельность. Исходя из этого, первичной задачей исследования должен быть анализ понятийного аппарата.

Мнение исследователей по данной проблеме различно и, как правило, если носит не противоречивый характер, то раскрывает только частично содержание антитеррористической деятельности. Так, А.А. Гапон антитеррористической деятельности придает более узкое значение и сводит ее к особому виду правоприменительной деятельности государственных органов и международных организаций в сфере прогнозирования, предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений террористической направленности, т.е. раскрывает только часть вопросов борьбы с терроризмом⁴. При этом он указывает на то, что антитеррористическая деятельность осуществляется в основном только силовыми министерствами: ФСБ России, ФСО России, МВД России, СВР России, МО России — и их территориальными органами. Другие министерства, такие как Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и

¹ Террористическая организация «Исламское государство Ирака и Леванта». Досье [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС. 18 июня 2014 г. URL: <http://tass.ru/info/1264570>.

² См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: по сост. на 21 июля 2014 года. Ст. 4 // Рос. газ. 1993. 12 декабря.

³ См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: по сост. на 21 июля 2014 года. Ст. 13 // Там же.

⁴ Гапон А.А. Министерство внутренних дел Российской Федерации как структурно-функциональный элемент механизма антитеррористической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. С. 78.



ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерство здравоохранения, Министерство транспорта и другие, принимают участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма⁵.

По мнению А.В. Шевелева, «антитеррористическая деятельность — это комплексная деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций, с использованием общих и специальных мер в рамках своих компетенций, по профилактике терроризма, борьбе с терроризмом, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма»⁶.

Некоторые авторы, например А.А. Макорин⁷, противодействие терроризму полностью отождествляют с антитеррористической деятельностью, направленной на выявление, предупреждение преступлений террористического характера, главной целью которой является эффективная защита прав личности и сохранение стабильности общества и государства.

Специалисты из Антитеррористического центра государств — участников СНГ считают, что антитеррористическая деятельность — реализация органами государства и общественными организациями в соответствии с их правовым статусом мер политического, идеологического, информационно-пропагандистского, правового, специального и иного характера по профилактике, предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию террористической деятельности, а также минимизации ее последствий⁸.

О.Ю. Манин, рассматривая ведомственные аспекты борьбы с терроризмом, под антитеррористической деятельностью понимает весь комплекс мер, осуществляемых МВД России по борьбе с терроризмом в соответствии с федеральным законодательством и внутренними нормативными актами, начиная с профилактических и предупредительных мероприятий и заканчивая силовыми действиями по захвату и уничтожению террористов⁹.

Нельзя оставить без внимания мнение Е.Н. Егорова¹⁰, который утверждает о существовании в мире двух направлений борьбы с терроризмом, применяемых государствами. До 2000-х годов — стратегия антитерроризма (защита от терроризма, реакция на уже совершенные противоправные действия) и начиная с 2000-х годов — стратегия контртерроризма (наступательные действия в отношении терроризма). При этом он подчеркивает преимущество российской стратегии противодействия терроризму по отношению к мировой, характеризуя ее как «антитеррористическую» до 2006 года, так как в России в основном действия силовых структур были частично ответными, и с 2006 года — как «контртеррористическую», так как ориентирована на предупреждение террористических акций, а не на их пресечение.

С точки зрения автора, антитеррористическую деятельность необходимо рассматривать как систему, включающую ряд признаков:

— она состоит из строго определенного количества элементов (совокупность субъектов, в полномочия которых входит осуществление антитеррористической деятельности, нормы права, регулирующие данный вид деятельности, объект противодействия, формы и методы практической реализации субъектами норм права, направленные на профилактику, предупреждение, борьбу и минимизацию последствий террористической деятельности);

— каждый элемент обладает специфическими, не присущими другим элементам признаками;

— совокупность специфических признаков, присущих элементам, образует состав, содержание системы.

Ограничение таким количеством элементов позволит расширить функциональность системы антитеррористической деятельности и повысить уровень взаимодействия между ее элементами, отойти от излишнего усложнения используемых понятий. Исходя из предложенной системы, «под антитеррористической деятельностью следует понимать деятельность международных организаций, государств и их органов власти, основанную на реализации норм международного и национального законодательства, имеющую своей целью предупреждение и борьбу с террористической деятельностью во всех ее проявлениях, минимизацию последствий от нее, осуществляемую в общих и специальных формах»¹¹.

юрид. наук: 12.00.11. М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 4.

⁵ Там же. С. 158.

⁶ Шевелев А.В. Антитеррористическая деятельность в системе безопасности региона России: дис. ... канд. социол. наук. Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2011. С. 65.

⁷ Макорин А.А. Организация антитеррористической деятельности в органах внутренних дел (по материалам Федеральной антитеррористической комиссии): дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 112.

⁸ Словарь основных терминов и понятий в борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 8.

⁹ Манин О.Ю. Правовые и организационно-тактические основы деятельности органов внутренних дел по проведению контртеррористических операций: автореф. дис. ... канд.

¹⁰ Егоров Е.Н. Противодействие терроризму и религиозному экстремизму: опыт государств Центральной Азии: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015. С. 48.

¹¹ Кобелев Д.Н., Луцай А.А. К вопросу о содержании понятия «антитеррористическая деятельность» // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 239, 242.



Рассматривая основные положения, касающиеся особенностей антитеррористической деятельности подразделений специального назначения пограничных органов Федеральной службы безопасности (далее — пограничные органы), на основе изученных теоретических положений, следует обсудить уже сформированную систему.

Анализ определений понятия «антитеррористическая деятельность», данных различными авторами, позволяет выделить одну объединяющую составляющую — наличие органов государственной власти, в функции которых входит прежде всего борьба с терроризмом.

Внутригосударственные субъекты антитеррористической деятельности можно разделить на три больших группы:

— первая — в ведении находится определение основ деятельности, а также координация действий других субъектов: Президент, Правительство, Национальный антитеррористический комитет;

— вторая — основной задачей является предупреждение терроризма и ликвидация последствий террористической деятельности: федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления и т.д.;

— третья — субъекты по роду своей деятельности, а также исходя из полномочий, наличия сил и средств осуществляют борьбу с терроризмом: силовые ведомства.

В последней категории главенствующая роль в исследуемой области принадлежит ФСБ России, подтверждением чему служит закрепление в ст. 8 Указа Президента № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации» задач, в числе которых выявление, предупреждение и пресечение террористической и диверсионной деятельности; организация и осуществление во взаимодействии с другими государственными органами борьбы с деятельностью незаконных вооруженных формирований, ставящих своей целью насильственное изменение конституционного строя России¹².

Нельзя забывать, что именно ФСБ России является активным участником международных отношений в рассматриваемой области и выступает как в роли участника международных переговоров, так и органом государственной власти, на который возлагаются задачи по реализации взятых на себя государством обязательств в соответствии с нормами международных договоров.

Основная задача подразделений специального назначения — реализация таких полномочий ФСБ Рос-

сии, как предупреждение и противодействие террористической и диверсионной деятельности.

Применительно к данному нами определению можно говорить о том, что подразделения специального назначения не могут рассматриваться в качестве полноценного субъекта антитеррористической деятельности, в силу того, что выполняют только ограниченное количество функций, а именно предупреждение и противодействие террористической и диверсионной деятельности. Но даже предупреждение осуществляется в специальных формах, например: проведение мероприятий по нейтрализации террористов до проведения террористического акта.

Вторым элементом являются нормативные правовые акты, регламентирующие антитеррористическую деятельность. Несмотря на важность и значимость международных договоров в исследуемом направлении, нельзя утверждать, что они для подразделений специального назначения выступают в качестве главенствующих. На подразделения возлагаются задачи по реализации их отдельных положений, что, как правило, уже доходит до них в качестве положений национальных нормативных правовых актов, а также положений ведомственных инструкций. Например, у государства есть обязанность обеспечения безопасности проведения массовых спортивных мероприятий, при проведении которых очень высока степень осуществления террористического акта; именно подразделения специального назначения (в том числе пограничных органов) реализовывали эту обязанность при проведении зимних Олимпийских игр в Сочи. Направлением сосредоточения основных усилий и средств созданной группировкой в период обеспечения безопасности XXII зимних Олимпийских игр в Сочи было морское (морские порты) ввиду недостатка систем охраны и безопасности этих объектов со стороны акваторий¹³. Главенствующую роль в регулировании деятельности подразделений специального назначения играют внутриведомственные правовые акты, что обусловлено прежде всего следующими факторами: необходимость обеспечить недоступность к тактике действий подразделений широкого круга лиц; необходимость защиты персональных данных лиц, участвующих в проведении антитеррористической деятельности; обеспечение скрытности проводимых мероприятий; раскрытие особенностей реализации форм антитеррористической деятельности подразделений.

В качестве третьего элемента системы антитеррористической деятельности выступает объект. Подраз-

¹² Указ Президента РФ от 11 августа 2003 г. № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 августа 2003 г. № 33. Ст. 3254.

¹³ Кобелев Д.Н. Актуальные вопросы обеспечения безопасности морских портов // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2 (32). С. 177–187.



деления специального назначения пограничных органов в силу своей специфики реализуют свои функции в пределах ограниченного пространства. Основные усилия сосредоточиваются на действиях, ограниченных пограничным пространством Российской Федерации, как на суше, так и на море. В исключительных обстоятельствах предусмотрена возможность их использования в иных направлениях. Например, для обеспечения безопасности проводимых международных мероприятий, таких как встреча глав государств или обеспечение безопасности объектов.

Четвертый элемент тоже имеет свои особенности, применительно к подразделениям специального назначения пограничных органов. Как мы уже отмечали выше, подразделения специального назначения применяются для реализации только отдельных функций антитеррористической деятельности.

Из всего многообразия форм противодействия терроризму, используемых различными субъектами, мы считаем необходимым выделить те, которые будут выступать в качестве характерных для подразделений специального назначения в антитеррористической деятельности: участие в проведении специальных секретных операций, целью которых является уничтожение или похищение террористов; участие в проведении оперативных мероприятий с целью проникновения агентуры в террористические сети, добывания необходимой информации; осуществление силовых операций по нейтрализации террористов и предотвращения проведения террористического акта; осуществ-

ление защитных мероприятий, нацеленных на охрану объектов, представляющих потенциальный интерес для террористов.

Такая форма, как участие в антитеррористической операции, проводимой на территории другого государства, связанной с непосредственным применением вооружения и техники, допустима, но не характерна для подразделений специального назначения пограничных органов.

Таким образом, содержание антитеррористической деятельности подразделений специального назначения пограничных органов целесообразно рассматривать через выделение основных элементов, которые ее образуют, рассмотрение их совокупности и исследование взаимодействия между ними.

Исходя из особенностей деятельности, специфики задач рассматриваемого субъекта, по мнению автора, под антитеррористической деятельностью подразделений специального назначения пограничных органов следует понимать деятельность подразделений специального назначения пограничных органов, как самостоятельно, так и в тесном взаимодействии с представителями иных органов государственной власти, осуществляемую на основании правовых норм Российской Федерации, преимущественно в силовых формах, реализуемых в пограничном пространстве России.

В исключительных случаях допускается использование подразделений за пределами пограничных пространств, в том числе за пределами государственной границы Российской Федерации.

Литература

1. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ: по сост. на 20 июля 2016 года // Российская газета. 2006. 10 марта.
2. Гапон А.А. Министерство внутренних дел Российской Федерации как структурно-функциональный элемент механизма антитеррористической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Гапон. СПб., 2008. 230 с.
3. Егоров Е.Н. Противодействие терроризму и религиозному экстремизму: опыт государств Центральной Азии: дис. ... канд. полит. наук / Е.Н. Егоров. СПб., 2015. 227 с.
4. Кобелев Д.Н. Актуальные вопросы обеспечения безопасности морских портов / Д.Н. Кобелев // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2 (32). С. 177–187.
5. Кобелев Д.Н., Луцай А.А. К вопросу о содержании понятия «антитеррористическая деятельность» / Д.Н. Кобелев, А.А. Луцай // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 238–243.
6. Макорин А.А. Организация антитеррористической деятельности в органах внутренних дел (по материалам Федеральной антитеррористической комиссии): дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Макорин. М.: Академия управления МВД России, 2003. 171 с.
7. Манин О.Ю. Правовые и организационно-тактические основы деятельности органов внутренних дел по проведению контртеррористических операций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / О.Ю. Манин. М.: Академия управления МВД России, 2003. 25 с.
8. Словарь основных терминов и понятий в борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 66 с.
9. Шевелев А.В. Антитеррористическая деятельность в системе безопасности региона России: дис. ... канд. социол. наук / А.В. Шевелев. Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2011. 158 с.